

Омельянюк Александр Сергеевич

„Год Быка“

романа-эпопеи „Платон Кочет“

Третья книга серии «Платон Кочет XXI век»

Платон Кочет XXI век

Александр Омелянюк

Год Быка

«Горизонт»

2010

Омельянюк А. С.

Год Быка / А. С. Омельянюк — «Горизонт», 2010 — (Платон Кочет XXI век)

ISBN 978-5-906858-44-3

Эта книга является третьей частью серии «Платон Кочет XXI век» романа-эпопеи «Платон Кочет», действие которого происходит от Древнего Египта Амарнского периода до Москвы наших дней. В данную серию, помимо этой книги, входят также части «Новый век начался с понедельника, 2001 – 2007 гг.», «Високосный, 2008 год» и уже известная читателям часть «Возвращение блудного сына». И в этой книге автор рассказывает о жизни главного героя произведения, доброго и весёлого московского сноба Платона Петровича Кочета, возможно даже героя уходящего времени, а также его ближайшего окружения, в наши дни, в Год Быка, вплоть до 14 февраля 2010 года. Главный герой – обыкновенный необыкновенный человек по-прежнему считает, что в жизни нет ничего смешнее человека с серьёзным, умным лицом; ничего важнее, чем дети и родители, дом и Родина; ничего почётнее, чем самоотверженное служение им; ничего омерзительнее, чем подлость и предательство; и т. п. В этой части романа, во многом написанной также по конкретным событиям и с ныне здравствующих лиц, в рассказ о современной жизни некоторых москвичей органически вплетается и начало новой сюжетной линии о жизни и службе старшего сына главного героя в Аргентине, которую автор развил в последующей части романа.

ISBN 978-5-906858-44-3

© Омелянюк А. С., 2010

© Горизонт, 2010

Содержание

Глава 1. Зимний терминатор	6
Глава 2. Золотой Жан	23
Глава 3. Зрелый возраст	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Александр Омелянюк

Год Быка

Глава 1. Зимний терминатор

Новый, 2009-ый год, семья Платона по традиции встретила дома, отказавшись от приглашений в село Никольское к давнишнему полковнику-пенсионеру Юрию Алексеевичу Палеву и его жене Марине Петровне, а также перенеся визит в Салтыковский лес, в особнячок Варвары и Егора.

И этот Новый год ими был встречен необычно теплее обычного.

Видимо сказалось быстрое и полное выздоровление главы семьи после гипертонического криза, имевшего под собой чисто психологическую и эмоциональную подоплеку.

Отпустив Иннокентия с Кирой к их друзьям гулять до утра на квартире одного из них, Платон как никогда с большим удовольствием посмотрел праздничные концерты по телевизору. А благодаря ретро музыке просидел около него почти до шести утра.

Ксения же сдалась намного раньше, уложив в постель поблизости от кресла мужа своё уставшее тельце, который тот потом со слегка подзабытым удовольствием и оприходовал.

Первый день Нового года, как и большинство населения страны, семья Кочетов отсыпалась.

На следующий день с утра вчетвером съездили в Салтыковку, присоединившись к такой же четвёрке хозяев. Под Новый год к Варваре и Егору приехал в краткосрочный отпуск, ставший уже старшим лейтенантом, их сын Максим, удивив родителей своей великовозрастной подругой Верой.

За столом, конечно, произнесли тост и за скорейшее возвращение на Родину старшего сына Варвары и Платона Вячеслава. Теперь это уже ни для кого не было секретом.

Обеденное застолье разбавили прогулкой по лесу, особенно хорошо известному Платону по его лыжным походам.

После чаепития, в зимнем саду на втором этаже пристройки к основной части дома, сыграли в большой бильярд. Это доставило удовольствие всем, но особенно троим.

Финалисту турнира Егору – тем, что в своём доме, на своём сукне, он костяными шарами и длинным кием оказал достойное сопротивление признанному мастеру малого бильярда, чемпиону и этого турнира, Платону.

Полуфиналистке Ксении – тем, что, наконец, сбылась её мечта сыграть на настоящем бильярде, и попытаться доказать мужу преимущества того, правда лишь в проигранной ею партии с Егором.

Победителю турнира Платону – тем, что он всем доставил удовольствие своей мастерской игрой и неожиданной даже для членов своей семьи безоговорочной победой.

Даже поначалу воображавший Кеша, имевший клубный бильярдный опыт игры на его подобии, вскоре был посрамлён отцом, как и в маленьком бильярде, но теперь неожиданно для всех, сделавшим игру с кия, оставив, ни разу не ударившего, обомлевшего сына за бортом финала.

Остальные двое игравших, Максим и Кира, ничем особенным не блеснули, относительно легко проиграв, соответственно Кеше и Ксении.

Варвара и Вера лишь солидарно болели за Максима, разделив свои симпатии в полуфиналах и финале.

А завершили встречу совместным с соседями праздничным фейерверком на лесной поляне за большим оврагом. В общем, время провели прекрасно.

Домой возвращались на электричке вшестером. Всю дорогу от Салтыковки до Новоигреево Вера тайком одаривала Платона восхищёнными взглядами. Но тот, как ей казалось, нарочно не реагировал. Наивная и не полагала, что без очков Платон не видел её глаз и не мог понять, куда и на кого направлен взгляд жаждающей большой любви ещё молодой женщины.

Уже дома Ксения ворчала, за глаза коря племянника, нашедшего себе возрастную любовницу, при этом, возможно даже из-за ревности, всячески поносила её женские качества, вызывая на устах мужа лишь малозаметную сочувственную ухмылку.

Платон уже подумывал об открытии лыжного сезона на следующий день, но жена настояла на продолжении пассивного отдыха и наблюдении за объективными данными состояния артериального давления мужа.

Платон послушался, непривычно пассивно отдыхая всё третье января, в одиночестве занимаясь своими писательскими делами, решив прояснить этот вопрос во время посещения дежурного врача на следующее утро.

Но уже вечером того же дня Платон подвергся новому мощному психологическому удару. Позвонили из Выксы и сообщили о ночной кончине двоюродного брата Платона по материнской линии, пятидесятидвухлетнего Сергея Юрьевича Комарова, практически всю жизнь страдавшего сердцем.

Естественно только что перенесший гипертонический криз Платон поехать на похороны не мог, как и не смогла из-за плохого самочувствия и его сестра Анастасия. От всех московских родственников выехал лишь один племянник Василий Олыпин, хорошо знавший двоюродного дядьку.

В итоге он оказался единственным представителем Москвы, Санкт-Петербурга и Владимира в Выксе.

Василий достойно и примечательно внёс свою лепту в прощание с добрым и хорошим человеком, прозванным среди ближайших друзей и многочисленных знакомых «миротворцем». И это подтвердилось присутствием на его похоронах около двух сотен человек.

На следующее утро, получив от врача карт-бланш на нормальное функционирование уже в ближайшие дни, Платон решил начать свой лыжный сезон на следующий день. К тому же снега падало вполне достаточно. И пошёл он опять по привычному маршруту от Новокозино к Салтыковским озёрам, мимо дачи Варвары и Егора.

Ксения же вместе с закадычной подругой Мариной в этот день съездила в Московскую государственную консерваторию имени П.И. Чайковского на фортепьянный концерт из произведений И.Брамса.

Женщины, даже в отсутствие своих чуть престарелых мужей, а может и благодаря этому, получили истинное удовольствие от давно забытого эмоционально-психологического воздействия на них.

Следующие шесть дней невольных зимних каникул проходили по одному и тому же сценарию. Лыжи, душ, обед, дрёма, лечебные зарядки, походы с женой по магазинам и сидение за компьютером или телевизором, по которому опять молодые дикторы в истерическом тоне доносили новости до, вынужденных их терпеть, многочисленных телезрителей.

Лишь девятого января Платон позвонил Надежде и поздравил её с днём рождения.

А в первый рабочий день после каникул олигархов, в воскресенье одиннадцатого января, Платон не стал уподобляться своим сослуживцам и подарил Надежде букет Ирисов, купленных им на свои деньги и подаренных от себя лично, в отличие от несвоевременного букета из тёмно-бардовых роз, неожиданно подаренных Надежде утром, но специально в отсутствие Платона.

Надежда обрадовалась и подтвердила желание объединиться с Платоном в праздновании их дней рождений.

За два дня до ожидаемого события они начали закупать продукты, полностью выполнив свой план.

Накануне торжества, завершив очередные покупки к празднику, возвратившийся из столовой, Платон традиционно сел попить чаю. Но не тут-то было. Его спокойное мероприятие было прервано Алексеем, бесцеремонно влезшим со своим хамским мерилом:

– *«Ты чего ешь?! Закупленные на завтра продукты!?!»*.

– *«Нет!»* – разочаровал его Платон – *«Чай пью!»*.

В процессе подготовки к праздничному событию выяснилось, что на него приедет сразу пять человек из института во главе с Ольгой Михайловной. Соответственно и подарок Платону готовился не хилый.

Всё это вызвало дикую зависть и стоны со стороны Гудина:

– *«Когда мне было шестьдесят, никто из института не приезжал и подарков мне не дарил, хотя я старейший его работник! А Платону за что? Он здесь без году неделя. И то, только числится. Да и образования медицинского не имеет?! Это безобразие! Я это так не оставляю!»* – чуть ли не визжал он наедине с Надеждой.

И не оставил. Ведь он просто выходил из себя от зависти и возмущения.

Хотя Платон и предложил Надежде, в качестве демпфера этой чёрной зависти, сообщить Гудину, что руководство едет не к нему, а к ней, а подарок ему дарят, как бы провожая его на пенсию и увольняя из института, той это сделать не удалось, или не захотелось.

Более того, по непонятным причинам их руководство, сославшись на срочную занятость, у праздничного стола так и не появилось, прислав за себя сослуживцев рангом пониже.

Но Платон с Надеждой не унывали.

Без руководства было даже как-то свободней и непринужденней.

Зато воспрянул духом Гудин.

Ведь всё-таки Платону не было оказано большей почести, чем в своё время ему.

Представители института вручили юбиляру дорогую электробритву, а имениннице всего лишь крутые электрочайник с электроутюгом и шикарный букет из семи красивых нежно розовых роз.

Платон втайне очень надеялся на поздравительный адрес от администрации и ближайших коллег, как это обычно традиционно делали в порядочных научно-исследовательских институтах, солидных предприятиях, и во всех министерствах, – что точно знал Платон, – но этого он не дождался.

Хотя Платон в своё время специально предпринял подготовительные шаги, по своей инициативе купив большую, красивую, двухстворчатую открытку – адрес Надежде, а теперь ещё подарив стихи начальствующим юбиляршам, но обратной связи его души порыва от них не последовало.

Его порыв где-то по дороге испарился, не нашёл чуткого отклика.

Зато чутко откликнулась Нона. Она поздравила юбиляра раньше всех и наедине, вручив ему свой личный подарок в красивом подарочном пакете.

К упакованному в фирменную металлическую банку цейлонскому чёрному чаю «Чёрный ром» известной фирмы «Бонтон», она добавила коробку шоколадных конфет ассорти. Вдобавок ко всему поцеловала юбиляра в щёку, оставив на ней трудно смываемые следы своей симпатии.

Платон сам сервировал столы на десять персон, поставленные по предложению молодого гения Алексея не в кабинете у Платона, а рядом, в более просторном цехе. Получилось не жарко и свободно, тем более после изъятия лишних приборов.

Виновники торжества расположились в торцах.

Видя, что Надежда по-начальственному первой готовится произнести тост, Платон перехватил инициативу, мотивировав это «В порядке поступления»:

– *«Уважаемые коллеги! Предлагаю выпить за нашу дорогую, любимую и уважаемую Надюшку! Надь! Я поздравляю тебя с днём рождения!»*

Желаю тебе конечно крепкого здоровья, и всегда оставаться такой же жизнерадостной и оптимистичной!

А больше всего я желаю тебе, чтобы Лёшка всегда радовал тебя своими успехами, мама долго жила, а муж всегда тебя любил! За тебя!».

Через тост Надежда возвратила Платону своё внимание и уважение, доставив и юбиляру истинное наслаждение.

Да! Мои усилия не пропали даром! Вон как Надька уважительно и с любовью сказала про меня хорошо! – молча обрадовался Платон.

Она в своём тосте охватила все стороны жизни Платона, вынудив остальных лишь присоединяться к ней, или выдумывать что-то неординарное.

Так Алексей, подняв бокал за обоих виновников торжества, подчеркнул наличие у них важной черты – самодисциплины и самоорганизованности.

В общем, Платона поздравили все, кроме, естественно, Гудина.

За праздничный вечер он почти в одиночку уговорил бутылку коньяка.

Лишь в благодарность за это щедрое угощение в конце он произнёс нейтральный тост за взаимное понимание.

Гости разошлись не поздно, оставив именинников наедине со столами, ещё полными яств.

Разделив обильные остатки вечерней трапезы на три неравные части, Надежда одну, самую ненужную, оставила в холодильнике, а остальные две поделила с Платоном, поделив всё по принципу, известному из фильма «Свадьба в Малиновке»: это тебе, это мне, а это опять... мне!

Вечером дома Платон с домочадцами вчетвером оприходовали его часть, доставшуюся от праздничного стола, добавив немного и своего. Получилось тепло, разнообразно и не хило.

Дома Платон сообщил жене подробности празднования его юбилея на работе, о своём удовлетворении от прошедшего мероприятия, высказав лишь сожаление по поводу отсутствия поздравительного адреса от руководства института или хотя бы от коллег по работе, да и цветов тоже.

Однако много знающая и много понимающая Ксения сразу расставила всё по своим местам:

– «Да от кого ты хотел дожидаться адреса? Руководство института тебя своим не считает! Ты ведь лишь формально числился в штате, а никакую работу не вёл, тем более научную! А Надька? Она же деревня! Откуда она знает, что на юбилей дарят адреса?!».

– «Да! Ты права! Но я ведь специально на её юбилей купил красивый адрес, обеспечил ей поздравление, к тому же от себя лично, в стихах! Да и руководителнице Ольге написал целых три поздравительных стихотворения с юбилеем!? А они?! Да и мужики мои не проявили ко мне должного уважения, такта, чуткости и внимания!? Ну, и дела!».

– «А что ты от них-то хотел? Один – дурак, другой – подлец! А может оба?!» – успокоила юбиляра жена.

Платон молча согласился с Ксенией. По поводу отсутствия поздравительного адреса в честь его шестидесятилетия, его расстройству по этому поводу, его мать, Алевтина Сергеевна, наверняка сказала бы: Да ты не расстраивайся, сынок! Зачем тебе уважение мелких людишек?!

Дома по телефону Платона ещё поздравили: вовремя – дядя Виталий Сергеевич Комаров из Санкт-Петербурга, и с опозданием – тётя Зина из Владимира, а также вдова двоюродного брата Олега – Елена Кочет, и то по наводке Даниила.

Остальные родственники или не хотели, или позабыли, или не знали, когда у нового старейшины их рода юбилей.

В воскресенье, восемнадцатого января, большая семья Платона собралась уже в полном составе родственников, и только, но не всех.

Из друзей теперь никого уже не было.

И не потому, что кто-то из них умер.

Просто бывшие друзья Платона как-то незаметно, постепенно, один за другим, сами собой выползли из его ближнего круга.

Геннадий Викторович вообще после последнего юбилея Платона просто пропал, возможно, даже обидевшись на поэта.

А скорее всего он, видимо, полностью погряз в очаровании новой российской буржуазии, одним из представителей которой был его старший полузять.

Сбылась давняя мечта тайного Обломова. После ухода на военную пенсию он полностью посвятил себя улажению своей собственной персоны, ведя праздный образ жизни, занимаясь лишь престижными для власть имущих занятиями и хобби. Так, в частности, Геннадий, при спонсорской поддержке дочери, стал поигрывать в большой теннис. Она же помогала живущим отдельно родителям ещё и деньгами, и не только.

Валерий Юрьевич, после долгого молчания по поводу им прочитанного одного из произведений Платона Петровича, периодически стал позванивать другу, в частности поздравляя того с днём рождения.

У них с Платоном завелось негласное правило, очерёдность поздравлений.

Платон первым поздравлял друга с Новым годом, тот его – с днём рождения.

И наоборот, Валерий первым поздравлял Платона с Днём защитника Отечества, а тот его – с днём рождения и Днём Победы.

Но в этот раз Валерий Юрьевич почему-то нарушил очерёдность, первым поздравив Платона с Новым годом. Да и начал он разговор как-то очень уж невежливо. Поздоровавшись и услышав голос друга, вдруг отмолил:

– «А я-то думал, жив ли ты? Здоров ли?!».

Хотя их разговор был долгим и всеобъемлющим, в течение которого Платон уверил друга, что здоровье его летом было очевидно подправлено в реабилитационном центре, ему не понравилась ещё и фраза давнего товарища, что у него, возможно, упомянутый им гипертонический криз произошёл из-за обиды на некоторых читателей, не читающих его труды.

Платон, однако, это объяснил совсем другим, в свою очередь, закинув увесистый булыжник в огород, становящимся бывшим, друга:

– «Да нет! Во-первых, я теперь свои произведения даю читать только специалистам, людям, разбирающимся в литературе и доброжелательно ко мне относящимся! Случайным людям, дуракам или всякого рода завистникам я больше не даю ничего читать своего! Много чести!»

Во-вторых, и самое главное, мне невольно приходится, как бы влезать в шкуру моих персонажей, на время становится ими, проживать вместе с ними, переживать, думать и говорить за них! В общем, вживаться в их образы! А это выходит боком. Расшатывается нервная система. И я заметил, что стал значительно сентиментальней. Я теперь вижу многое из того, на что раньше не обращал внимание.

Я даже в старых фильмах теперь нахожу многое из того, на что раньше не обращал внимание, или даже просто не видел! Но это уже приобретённое мною новое свойство, как автора, режиссёра!».

Далее Платон сообщил Валерию Юрьевичу, что готовит к публикации сразу пять частей своего романа-эпопеи объёмом почти в полторы тысячи страниц и два сборника стихов – полный, примерно на семьсот страниц и ещё отдельный – четверостиший.

Сглотнув слюну обиженной зависти, друг многозначительно протянул:

– «Да-а!».

Тут же они распрощались. Но Валерий Юрьевич больше Платону Петровичу не звонил.

Особенно Платона удивило отсутствие какого-либо поздравления от товарища по случаю шестидесятилетия.

Видать друг полностью порвал со мной, или... умер?! – решил автор.

То же самое коснулось и старшего племянника Григория Марленовича Комкова. Тот всегда отличался недостатком воспитания, незнанием этикета и никогда первым не звонил своему дяде, к тому же старше его по возрасту.

Очевидно, он кроме работы полностью погряз в своих любимых домашних железках и необходимых домашних делишках, не поздравив дядьку ни с Новым годом, ни, как верующий, с Рождеством, ни с юбилеем.

Поэтому Платон решил сейчас его не приглашать, а вместе с ним и всё его семейство, которое, после рождения дочерью Наталией двух малышей, возросло с пяти до семи человек.

Этому способствовал и перенос празднования юбилея Платона к нему домой в однокомнатную квартиру, которая была хоть и большая, но не резиновая.

А это было связано с тем, что Варвара с Егором теперь постоянно жили в Салтыковке, их сын Максим, служа в столице, теперь один пользовался благами отдельного проживания, а гостей теперь намечалось относительно немного, да и хлопот в своей квартире было бы поменьше.

Правда, поначалу Платон, как всегда, хотел собрать всех.

Но Ксения воспротивилась, мотивировав это тем, что она в этот раз не выдержит два празднования одного юбилея мужа.

Да и пенсионеров Егора и Варвару не хотелось лишний раз тревожить, плюс ещё и финансовый кризис на дворе.

Последний довод оказался решающим.

Семей старших сыновей Платона в силу разных причин пока не ожидалось.

В общем, супруги Кочет решили именно так.

Поэтому своё шестидесятилетие мечтательному Платону так и не удалось встретить в кругу всех детей, племянников, внуков и... любовниц!

И вся пятикомнатная квартира Гавриловых в Высотке на Котельнической так и не была перевернута вверх дном внуками Платона и не ходила ходуном под отчаянными па многочисленных гостей.

По сравнению с прошлым юбилеем Платон не стал приглашать и вдову Елену Кочет, так как по телефонному сообщению двоюродной племянки Юлии Олеговны Кочет, та вышла замуж и переехала в квартиру к мужу, оставив Малаховский отчий дом Кочетов на «разграбление» своим родственникам – родителям и многочисленной семье сестры Марии.

Заодно Платон не стал приглашать и саму Юлию с мужем Эржаном, и семью другой двоюродной племянки Ольги Кочет, как более дальних родственников, чем единокровный племянник Григорий.

Таким образом, с учётом умерших в позапрошлом году Эльвины и Олега, в гости к юбилею получили приглашение лишь семь человек из его родственников. Это были две супружеские пары детей Платона, и его сестра Анастасия с племянником Василием, который был без жены Дарьи, сидевший с тремя приболевшими малышами. Василий уговорил любимого дядю разрешить взять с собой лишь сына от первого брака четырнадцатилетнего богатыря Ивана, который не был в прошлый раз.

Родственников и друзей со стороны жены Ксении она сама предложила в этот раз не приглашать, а перенести встречу с ними на приближающийся в начале февраля её пятидесятилетний юбилей.

Всего получилось одиннадцать человек вместо тридцати трёх, бывших на прошлом юбилее. Причём Ваня и Кира были впервые.

Первой, за полчаса до назначенного срока, прибыла Анастасия. Но хозяйева уже были почти полностью готовы, и та не стала существенной помехой в их окончательных приготовлениях.

Поначалу, правда, Настя пыталась отвлечь Платона от дел своими вопросами и показами, но строгая Ксения не отпустила мужа от важного дела – нарезания хлеба.

Вскоре подошли Кеша с Кирой. И почти все оказались в сборе. Лишь три пары опаздывали к началу.

Надоедливая тётя Настя теперь переключилась на племянника, ещё до его прихода откуда-то из шкафа, без спроса, достав ранее подаренную ему книжку с головоломками, и загрузив недавнего выпускника школы задачами на логику и смекалку, попросив для этого у Платона коробок спичек.

Неожиданно увлекшийся Кеша весьма быстро справлялся с заданиями.

После окончания урока Настя наедине попросила у Платона разрешения взять обратно свой подарок, так как он оказался ей очень нужным. Брат вынужденно согласился.

Хорошо, что хоть жена с сыном не слышат этой наглости и беспардонности! А то дело могло дойти и до скандала! – подумал тогда он.

Коллективно решили подождать лишь Василия с Иваном, так как остальные пары заранее уведомили о своей задержке.

Прождав лишние полчаса, позвонили Василию, который сообщил матери, что только лишь заводит машину.

Тогда решили его не ждать и сесть за стол на первые тосты.

Платон подумал, что первой, по старшинству, поднимет бокал сестра.

Но та как-то растерялась, наверно побаиваясь Ксению, которая сразу по-хозяйски взяла бразды правления в свои руки. И пошло, поехало.

Единственное, чем Насте удалось приятно удивить брата и его гостей, так это заказанным ею по своим исходным данным, и всего сотней рублей оплаченным, «компьютеру» поздравительным стихотворением по случаю его юбилея. Из пяти четверостиший лишь одно выпадало из общего контекста.

Затем по очереди стали прибывать и опоздавшие и задержавшиеся пары. Сначала Василий с Иваном, затем Даниил с Александрой, потом и Екатерина с Виталием.

Одни опоздали на юбилей из-за халатности, другие задержались из-за вредности, а третьи – по занятости.

Василий неожиданно обрадовал своего любимого дядьку красочным букетом необыкновенных цветов Гиппеаструм (Кавалерская звезда).

Те стали подлинным украшением стола, и даже изюминкой всего праздника.

Позже на трёх его стеблях раскрылось более полутора десятков цветков.

На этот раз, часто обжигавшаяся на молоке вкусов и привычек гостей, Ксения собрала праздничный стол с учётом гастроэнтерологических и греховных проблем некоторых из них.

Собственно мясного было немного. Зато достаточно было прочих нарезок и различных салатов, среди которых выделялся новое блюдо из морепродуктов.

А главным блюдом, в качестве горячего, на этот раз была, запечённая в духовке, форель.

Немногочисленные тосты перемежались разноплановыми разговорами, давно вместе не встречавшихся, детей Платона.

В один из моментов Ксения, сидевшая за противоположным от мужа торцом стола, сказала гостям, видимо коснувшимся проблемы, с одной стороны, очевидно отличного состояния здоровья юбиляра:

– *«Платон пострадал из-за своего гипериммунитета. Он вёл слишком правильный образ жизни, потому и стал жертвой этого, получив свой ревматоидный полиартрит!».*

Выслушав одобрительные возгласы и комментарии молодого поколения, Платон излишне горделиво заметил:

– *«Да! Инвалид в наше время – это профессия!».*

Главным подарком для юбиляра явился складчину купленный ноутбук.

Однако Екатерина с Виталием вручили свои, персональные подарки. Это была на редкость красивая и богата оформленная коробка конфет, и оригинальный массажер для головы, и самый главный подарок – подвесной, электронный, дистанционно управляемый, многофункциональный альбом-рамка, главное назначение которого была демонстрация фотографий с цифрового фотоаппарата. Причина такого разнообразия оригинальных подарков от дочери и зятя во многом крылась в изобилии подаренных им на Новый год подарков их многочисленными учениками.

Все подарки пришлись юбиляру, как говорится, к месту. Но самый главный подарок для Платона были его дети. Он давненько не виделся со старшими и средними, давно или всегда жившими отдельно.

Теперь он озвучил им своё желание понынчиться с внуками. Но те перевели стрелку на самого младшего, словами Екатерины предположив, что тот в этом деле всех обгонит.

Платон развил тему, проиллюстрировав её своими воспоминаниями:

– *«Только после прочтения, наверно всей нашей студенческой группой, книги Нойберта «Новая книга о супружестве», мы все стали к сексу относиться как-то обыденно, он перешёл в разряд...»* – Платон замешкался.

– *«Водных процедур!»* – помог ему озорник Данила.

Тут же, видимо вспомнив что-то, Даниил перебросил на компьютер отца наброски рассказов своей жены Александры.

Екатерина же перебросила на компьютер отца свой электронный адрес в «контактах», где тот мог бы посмотреть множество фотографий её работы, творчества и путешествий.

Время шло, блюда яств сменились фруктами и сладостями, плавно перейдя в чаепитие. Торт заменили разнообразными Тирольскими пирогами, которые гости моментально просто смели.

Из-за отсутствия достаточного места, в одном из них Ксения на этот раз вместо обычных маленьких свечек поставила две достаточно крупные свечи-цифры, обозначающие 6 и 0.

Из-за значительного расстояния до них, юбиляр на этот раз лишь со второй попытки загасил их хилое пламя.

И конечно не обошлось без разнообразных конфет для сладкоежек, коими всегда считались Платон и его дети.

Затем гости стали понемногу расходиться. Первыми ушли трое верующих во главе с Анастасией. Им нужно было ещё на какие-то церковные мероприятия.

Затем ушли Екатерина с Виталием, которым надо было в этот вечер ещё и выступать. Последними отца покинули Даниил и Александра.

Данила на прощание с удовольствием потискал отца в своих могучих объятиях, как тот раньше, но с меньшим успехом, делал сам.

Ушёл провожать свою Кирюшку и самый младший из сыновей.

До возвращения Кеши его родители успели убрать со стола, поставить мебель по местам, и вымыть посуду. У обоих настроение было прекрасным.

Его тем более не омрачала даже лёгкая, но в то же время приятная от осознания выполненного долга, усталость Ксении.

Поздно возвратившийся домой Иннокентий застал родителей уже в обнимку отдыхающими у телевизора.

Платон ещё несколько дней с удовольствием вспоминал отмеченный дома свой юбилей, хоть и не в полном составе, зато в тёплой, уютной, домашней обстановке.

Он также с удовольствием вспоминал и отмеченный на работе свой юбилей. Действительно, на столе получилось строго и красиво, как в ресторане, а за столом – непринуждённо, тепло и дружественно.

Через несколько дней даже Иван Гаврилович высоко оценил обычно привычное, но на этот раз непривычное, мероприятие:

– *«Такого прекрасного дня рождения у нас ещё не было!»* – наедине как-то поделился он с Надеждой.

И теперь счастливая улыбка не сходила с лица Платона.

У него все последующие дни было прекрасное расположение духа, которое не могли омрачить даже неожиданно нахлынувшие воспоминания.

Он вдруг вспомнил, что до сих пор Настя и Вася так и не нашли тёплые, зимние носки, специально связанные Алевтиной Сергеевной для сына – последнее, сделанное ею для Платона. Анастасия до сих пор так и недоделала для Платона, семь лет назад обещанную Васину бежевую курточку, которую Платон планировал использовать для работ ещё с бежевой Волгой ГАЗ-24, уже давно проданной Ксенией, как хозяйкой, за бесценок.

Но текущие бурные события последнего времени быстро отвлекли Платона от грустных воспоминаний.

После всех празднований юбилея, похода в пенсионный фонд, Платона вдруг поразила какая-то всеохватывающая, внутренняя радость, будто бы от свершения чего-то давно и

упорно им ожидаемого, как будто его, наконец, выпустили на волю, чувство ощущения необыкновенной свободы от длительно им выполняемого долга.

Ему показалось, что он теперь может жить, как ему хочется, радостно, а не по грандиозным планам кого-то.

Причём эту радость уже не могли омрачить и поколебать окружающие его мелкие напасти и неприятности.

Лёгкая улыбка теперь не сходила с его лица. Было так, будто бы он теперь узнал что-то, что многие ещё не знают, не ведают, не чувствуют.

Даже лицо его стало ещё более одухотворённым, как будто он знает какую-то великую тайну бытия. У Платона теперь было ощущение, будто он прошёл терминатор, вышел на свет божий из тени земной.

И это был его, зимний терминатор.

В общем, Платон стал совсем взрослым и свободным от долга перед, длительное время его угнетавшим, государством. И совесть его была чиста.

Приятные воспоминания теперь всё чаще одолевали его.

Особенно это часто происходило на работе, где он обычно сидел один и никто не мешал ему погрузиться в ностальгию.

Платон вдруг явственно вспомнил запах своей детской, летней Москвы, запах какого-то предвкушения чего-то. Тогда он явственно и чувственно различал её утренний, дневной и вечерний запахи.

Сейчас же нюхать было нечего. Сейчас ему часто приходилось только слушать, в том числе всякую ерунду и пакость.

– *«Ну, вот! Я пролила, а ты наступил!»*? – войдя к себе, услышал он от Надежды.

– *«Так ты не проливай! И наступать не надо будет!»* – ответил он, уже вытирающей тряпкой пол начальнице, всё ещё не теряя прекрасного расположения духа.

Прошло некоторое время, и по хорошему настроению недавнего юбиляра был нанесён привычный удар.

– *«Плато-о-он!»* – как всегда завизжала Надежда.

– *«Иди скорей коробки с улицы разгружать!»*.

– *«Ид-у-у!»* – в тон ей ответил подчинённый.

Он поменял белый халат на бывший чёрный, надевая сверху ещё и пиджак. Но той стало невтерпёж, и она снова заголосила:

– *«Плато-о-он! Ты где есть то? Иди скорей!»*.

– *«Сейча-а-ас!»* – опять ей в тон начал тот.

– *«Штаны только надену!»* – закончил он язвительно.

– *«Он сейчас переоденется, и придёт!»* – оправдывалась начальница перед приезжей гостьей на недостаточно быстрое послушание задерживающегося подчинённого.

А тот надел рабочие перчатки и вышел в предбанник. Но оказалось, что коробки уже там разгружены водителем приезжей.

Фу, дура! Вечно визжит, не разобравшись! А тут из-за неё раздеваешься, одеваешься! Сумасшедшая, прям! – про себя возмущался Платон.

Вскоре опять пришёл покупатель. И опять Надежда возопила:

– *«Плато-о-он!»*.

Но тому надоела роль мальчика на побегушках у дурной бабы и он не среагировал.

– *«Платон! Иди сюда!»* – повторился вопль.

– *«А мне и здесь хорошо!»* – весело пробурчал себе под нос Платон, но всё же пошёл на зов укротительницы.

Войдя к Надежде, он поздоровался с, поначалу неузнанным им, мужчиной зрелого возраста:

– «Добрый день!».

– «Здравствуй!» – подхватил тот Надеждин тон.

Платон запомнил.

Когда он вернулся в офис с полной коробкой различных биодобавок, гость добавил заказ:

– «Ещё и семени два пакета».

– «Его у нас нет!» – в ответ невоспитанному пошалил Платон.

– «Тогда семян!» – наконец с полуслова понял тот.

Но обучение хама на этом не закончилось. Платон окончательно добил того, вспомнив его и беря реванш у него:

– «А Вы случайно не Мальков?».

– «Да, Мальков!».

– «Оно и видно!».

– «???».

– «То-то, я смотрю, рожка знакомая!» – тихо кончил он под, прыснувший чаем, смешок Алексея.

Возможно от таких периодических заморочек, а может ещё от чего-либо, но у Платона снова стало пошаливать артериальное давление.

Дома у него опять не получилось самому себе померить тонометром давление, на что Ксения раздражённо заметила:

– «Так он специально для дураков сделан!».

Через некоторое время Платон взял реванш у жены. Дождавшись, когда она сама себе померяет давление и пульс, он безобидно и, на первый взгляд даже участливо, спросил:

– «Ну, как? Показал он что-нибудь?».

– «Конечно...» – Ксения хотела было продолжить свой комментарий, но муж в этот раз успел перебить её:

– «Ну, точно! Он для дураков!».

Но, если по серьёзному, настоящие дураки были у Платона на работе.

Утром он подошёл отксерить этикетки на коробки, включил ксерокс и вдруг услышал грубое от Надежды, разговаривающей с кем-то по телефону:

– «Платон, подожди шуметь тут!».

Платон тут же возмутился про себя: Да пошла ты на хрен! Буду я ещё тут тебе по работе что-нибудь ксерить!

Он выключил аппарат и ушёл к себе, бурча под нос так, чтоб слышал только, сидевший вблизи Алексей:

– «Снятила совсем!».

На следующий день Надежда устроила небольшое застолье по поводу окончания её сыном очередной сессии.

С утра она восторженно рассказывала об очередном триумфе своего Алексея, на что Гудин, поначалу делая вид, что слушает, потом твёрдо отмахнулся:

– «Да ясное дело!».

Платон давно не видел питающуюся начальницу. Она села напротив него в противоположном торце стола и ела, если так можно сказать, громко чавкая, лячкая, хрумкая и сверкая своим большими передними зубами.

Ну, точно крыса! – в этот момент подумал он.

Но надо было соблюдать приличия. И он отвлёкся на трапезу.

Надежда поставила на стол, оставшийся от их совместного застолья, коньяк, а также лимон, маринованные огурцы, как всегда купив вырезку свинины, нарезку очень жирной копчёной колбасы и, слава богу, сыра.

Практически только его Платон и ел.

После окончания застолья, выразившегося в принятия нескольких рюмочек коньяка с соответствующей закуской, Надежда, видимо вспомнив, что и Платон имел на него права, наедине оправдалась перед ним:

– *«Я поставила коньяк, чтобы головой не морочиться!»*.

А потом, вместе с ним убирая со стола, спросила его:

– *«Ну, как коньячок?»*.

– *«Ничего! Оказывает лечебное действие!»* – выдал Платон дежурное откровение, имея ввиду понижение своего давления.

– *«Конечно! Все знают, что это лечебное!»* – обрадовалась та такому выходу.

– *«Недаром Гаврилыч постоянно пьёт его!»* – попытался Платон задеть Надьку за живое.

– *«Да! Даже слишком!»* – сокрушённо согласилась она.

– *«У него так сосуды в голове расширились, что в них мысли свободно гуляют!»*.

Поймав мысль, но не свою, а Платона, начальница тут же пожаловалась ему на Алексея Ляпунова, опять в чём-то сильно подведшего её:

– *«Да он это сделал специально, административно!»*.

– *«Так он не продумывает всё до конца! Впрочем, до середины тоже!»* – решил Платон помочь Надежде в её изысканиях причин неудач.

На следующий день с утра, как с похмелья, Надежда вытащила из холодильника бутылку начатой медовухи и спросила Платона:

– *«Тут случайно из горла никто не пил?»*.

– *«Ну, ты что? Все тут люди культурные. В стаканы наливали!»*.

– *«А кто пил-то?»*.

– *«Да я и Нина Михайловна!»*.

– *«А-а!»*.

И тут же она начала хлобыстать из горла, громко булькая и шумно выражая удовольствие:

– *«Кха-а-а!»*.

Вот, тебе, на! Культура так и булькает! – про себя ухмыльнулся Платон.

Позже он решил немного поучить начальницу, напугав её.

Когда Надежда следующий раз будет пить, он будто бы случайно вспомнит, что из горла также пила и уборщица Нина Михайловна – старуха лет под семьдесят с кривыми, гнилыми зубами:

– *«Хе-хе-хе!»* – вслух рассмеялся озорник.

После обеда Платон на своём рабочем месте уже пил чай с печеньем.

Надежда крутилась поблизости, подтирая пол и что-то ища в холодильнике, подбирая для чего-то тарелки.

Минут через пять, когда Платон уже закончил чаепитие, помыл чашку, и сходил в туалет, на обратном пути он был перехвачен Надеждой, вышедшей из своего кабинета с тарелочкой, в которой виднелся кусочек торта:

– *«Это тебе!»*.

– *«Ну, что ж ты?! Раньше не могла? Я уж чай попил!»*.

На что дурочка ответила:

– *«А ты, что так рано чай пил?! Мы вот только что собрались!»*.

Ближе к вечеру он снова слышал было подзабытое.

– *«Плато-о-он!»* – опять заголосила Надежда – *«Подь сюда!»*.

Платон подошёл и увидел посетительницу.

По реакции гостьи он понял, что той стало стыдно за его же начальницу. И он поспешил к ней на помощь:

– *«Надьк! Тут не надо громко орать-то! Тут же не Белые столбы!»*.

Через несколько минут Надежда вошла, демонстрируя свою заботу о нечаянно ею обиженном коллеге:

– «Тортик очень вкусный, Платон! Напрасно ты его не ешь!».

– «Так если я буду есть всё, что вкусное, я в дверь не пролезу!» – не принял тот её заботу, держа на расстоянии.

Зато отвёл душу, вернее удовлетворил зов тела, Гудин.

В этот раз он просто объелся лишними кусками торта, и напрасно.

Ночью Иван тайно и несанкционированно портил воздух от вечером так и не переваренных дневных праздничных разносолов.

Зловоние вынудило Галину Петровну покинуть опочивальню старого пердуна Ивана Гавриловича, напрочь отбившего у неё охоту заниматься с ним и так редким и вялотекущим квази сексом.

Но в следующие дни она пошла ещё дальше, сначала ограничив утреннюю и вечернюю пайку негодного любовника, а затем и вовсе перестав его кормить завтраками и ужинами, сославшись на заметный вред вечернего чревоугодия.

Этому также способствовал и тот факт, что сама Галина Петровна трижды в день бесплатно столовалась в офисе своей знаменитой компании.

Такое лечение Гудин не мог долго выдержать. Его голодный организм жаждал насыщения чем-нибудь. А его желудок уже с самого рабочего утра требовал начинать чаёвничать.

А вообще, голодный Гудин вскоре пошёл по обходному пути вокруг своей сожительницы, сославшись на «голодание» её матери, и предложив вызывать её к себе домой на выходные дни для откорма, естественно не без основания надеясь на своё в этом самое потребное участие.

После следующего обеденного перерыва Платон пожаловался Алексею на непонимание их женщинами его, только что взятого им из собственной жизни, анекдота:

– «А почему он всегда покупает два банана и одну грушу, а не наоборот?! А потому, что «наоборот» у него давно есть! А почему женщины не поняли? А потому, что дома они видят далёкое от груши и банана!».

– «Мандарины с морковкой или даже сельдереем!» – добавил своё участие молодой гений Алексей.

– «Не смешно!» – возразил, наверно их обладатель, Гудин.

– «Не смешно – это когда извилин мало и воображения нет!» – отшил того довольный собой, теперь уже тоже пенсионер по возрасту, Платон.

А уж воображения, поддерживающего его мечты, Платону всегда хватало. Так он решил сам себе компенсировать отсутствие у него поздравительного адреса от сослуживцев, друзей и родственников, и сочинил стихи о своём шестидесятилетнем юбилее:

*Ну, вот! Я тоже докатился.
Дожил до мудрости седин.
В пенсионера обратился,
Пройдя порог лихих годин.*

*Прошёл я зимний терминатор.
Из сумраков я вышел в свет.
Какой я буду литератор?
И кто мне даст на то ответ?*

*Легко творю, пером владея.
Пишу я прозу и стихи.
Куплетом песни овладея,*

Раздвину критику тиски.

*И памятник себе построю
Не рукотворный – языком!
И дачу я благоустрою.
Отремонтирую свой дом.*

*Дождусь, надеюсь, многих внуков.
А может правнуков Бог даст?!
Но не услышу нудных звуков.
Ведь друга нет, так не предаст!*

*Душой свободу ощущаю.
А сердцем красоту ценю.
Кто должен мне – я всех прощаю.
За жизнь я жизнь благодарю!*

*И планов у меня громадье!
Их должен выполнить, успеть.
А дел текущих половодье
Хоть вплавь, хоть вброд, преодолеть.*

*Поймать души своей порывы,
В стихах и прозе сохранить,
И в струнах нервов все надрывы.
Тогда смогу я победить!*

*Моей рукой талант мой водит.
Скорее даже водит Бог!
По голове десницей гладит...
Я большего сказать не смог.*

*Но тяжела десница божья.
То чувствую я иногда.
И думаю, а в жизни кто ж я?
Но, люди! Вас люблю всегда!*

А потом он сам себе купил юбилейную открытку, распечатал на одной стороне листа это стихотворение, а на другой – две фотографии, сделанные Ксенией: себя, любимого, в обнимку с Гиппеастром, и панорамный снимок застолья, на котором были видны все его дети с супругами.

А затем стал постепенно собирать на открытке подписи родственников и сослуживцев – на добрую память о себе для внуков!

В этом занятии Платон обошёл только злостных курильщиков Гудина и Татьяну Васильевну, к которым, после известных событий, испытывал давнюю и устойчивую неприязнь.

В связи с холодами Иван Гаврилович стал часто теперь покуривать не на улице, а в тамбуре, из-за чего до чутких носов Платона и Надежды стал регулярно доходить тошнотворный запах табачного дыма. Обычно Платон не вмешивался, дабы не ворошить старое говно, чтобы

оно не завоняло ещё сильнее. Но теперь и его терпение лопнуло, и он решил действовать через Надежду, тоже не терпевшую табачных испражнений:

– *«Надь! Скажи нашим курякам, что они миазматика! Навоняли здесь своей курнёй!»*.

И теперь Надежда не могла пройти мимо, и как некурящая женщина, и, тем более, как начальница.

Она и раньше постоянно делала Гудину замечания, но теперь, в конце концов, не выдержала и просто завопила:

– *«Иван Гаврилович! Идите курить на улицу! И не надо больше от меня прятаться, а то я Вас буду по всему зданию гонять..., как последнюю суку!»* – завершила она тираду, распаляясь к концу фразы.

Платон задумался: Да! Достал, знать, ирод и её!

Но через минуту та уже несколько остыла, оправдывая старца перед Платоном:

– *«Да уж старый он стал! Вон у него под скулами брыли висят!»*.

– *«Хе! Так брыли – это ещё ничего! Хуже, когда ягодицы висят!»* – попытался перевести разговор на фривольную тему Платон.

– *«Ха! Так ягодицы тоже!»* – на этот раз с радостью подхватила Надежда неудобную для женщин тему.

– *«Да нет! Ты ошиблась! Ты не с той стороны посмотрела!»*.

– *«Да ну тебя, с твоими смехуёчками!»* – поняв намёк, и, видимо, всё это представив, отмахнулась Надежда.

Вскоре в кабинет вошёл смердящий. Платон демонстративно вышел. Через стену он слышал, как безуспешно оправдывался, беря на глотку, Гудин. Но перекричать звонкий голос начальницы ему не удалось. Более того, та, больше из желания не нюхать его миазмы, чем по производственной нужде, послала хама с заданием.

Через минуту она вошла к Платону, делясь:

– *«Фу, навонял, чёрт эдакий! Дышать нечем. Я открыла форточку и дверь – пусть немного проветрится!»*.

– *«Да! Этот, как был козлом, так им и остался!»* – подыграл, было, ей Платон.

– *«Ну, не скажи! Он стал лучше!»* – попыталась она отстоять правду.

– *«Ну, может быть чуть-чуть, незначительно, разве, что из козла превратился в барана?!»* – вывернул рога парнокопытному Платон.

А с Татьяной Васильевной с прокуреными мозгами произошло другое.

Как-то раз, не видя за углом Платона, она ответила вытиравшей пол в коридоре Надежде, и бурчащей под нос о неаккуратности мужиков:

– *«А-а! Он никогда ноги не вытирает!»*.

После чего Платон понял, что Гудин давно настроил её против него, наверняка наплетя разные небылицы.

Ничего не поделаешь: два окурка – мусор! А горбатых даже... граблями не исправишь! – решил писатель.

В начале года здание медицинского центра, где работал Платон, покинула очередная уборщица – ровесница и землячка Гудина – Нина Михайловна из Ташкента. Поначалу она произвела на всех очень хорошее впечатление, но потом стала манкировать своими обязанностями, что отразилось и на её зарплате, уменьшение которой, в свою очередь вызвало гнев старухи и временами просто неадекватное её поведение. Именно из-за этого она и попала как-то коменданту здания – справедливой, но строгой Нине Петровне Барсуковой.

Та, внезапно придя на работу намного раньше обычного и запеленговав звон разбитого стекла, застала уборщицу за необычной уборкой помещения.

– *«Экономить энергию надо!»* – вскрикивала та сладострастно, с остервенением разбивая концом швабры очередную лампочку на потолке.

Да! Не сложилось у старухи! Жалко её. Не прошла она свои испытания Москвой, свой экватор – сокрушался Платон.

То ли дело у меня! Ведь я вполне успешно и даже удачно прошёл свой зимний терминал! – радовался он, что-то воображая про себя.

Глава 2. Золотой Жан

Да! Именно достаточное воображение, в конце концов, и привело Платона к его давней, заветной цели.

Это произошло в тот самый короткий отрезок времени, когда Ксении всё ещё было далеко за сорок, а Платону уже было чуть за шестьдесят.

Некое событие, о котором всю свою сознательную жизнь подсознательно мечтал он, наконец, свершилось!

Это началось в среду, 21 января, в Платоновский день приключений.

Возвращаясь после работы домой, Платон решил в этот раз пройтись до «Новокузнецкой» пешком, что он, из-за плохой погоды, давно уже не делал.

Спустившись с Большого Устьинского моста и перейдя Садовническую улицу, при подходе к Обводному каналу Платон увидел на фонарном столбе, справа от себя примерно на уровне пояса, необычайно белый лист афиши, на которой краем глаза он уловил относительно большие буквы «...ЛАН».

Тут же сердце его ёкнуло, а сознание встрепенулось смелой догадкой. Сделав ещё пару шагов, он увидел долгожданное: «ЖАН ТАТЛАН»!

Ур-ра! Свершилось! – внутренне, но неистово обрадовался Платон.

Он внимательно прочитал всю информацию на афише и с исчезающей с лица улыбкой поехал домой делиться радостью с женой.

Ксения выслушала, чуть ли не захлёбывающегося от восторга мужа, и выразила желание, как и в первый раз почти двадцать лет назад, составить ему компанию.

Вечером Платон по телефону сообщил радостную весть своим единомышленникам по этому увлечению Александру и Егору с Варварой. Те, в свою очередь, попросили его всё разведать поподробнее.

На следующее утро, счастливый от предвкушения ещё большего счастья, Платон начал поиски билетов.

В киоске в вестибюле метро об этом мероприятии ничего не знали, хотя имелись билеты на концерты и спектакли и на более поздние числа.

Зато продавец в киоске на улице, около трамвайных остановок, сразу обрадовал Платона наличием так нужных тому билетов, но очень дорогих, почему-то, аж за тысячу рублей. Соискатель чуть ли не присел от неожиданности, сказав, что придёт попозже, когда деньги будут.

Вечером они посоветовались с Ксенией и решили, что если билеты будут ценой до восьмисот рублей, то они идут оба. В противном случае Платон идёт один, и за любую цену.

Об этом он оповестил и немного расстроившихся ветеранов Егора и Александра, пыл которых на посещение концерта сразу заметно поубавился.

И вот 23 января, в пятницу вечером, Платон прибыл в Театр Эстрады, где почти в одиночестве купил самый дешёвый билет на последний ряд Бельэтажа, обошедшийся ему всего в тысячу двести рублей.

Остальные места были дороже, доходя в партере до семи тысяч рублей! О таких ценах Платон никогда ранее и не слыхивал.

Тут же будущий зритель списал с афиши электронный адрес официального сайта Жана Татляна, и дома вместе с не расстроившейся Ксенией с любопытством открыл его, предварительно оповестив об этом и Сашу с Егором.

Радости Платона не было предела. Одна за другой выявлялись песни его любимого певца, а также его фотографии, интервью и страницы биографии.

Правда некоторые из песен были записаны намного позже известных оригиналов и уступали им в звучании и незабываемом, привычном для слушателей, шарме. Однако это ни в коей мере не умаляло важности факта обладания ими.

И началось! Платон все вечера шарил по Интернет страницам, находя всё новые и новые записи, и различную информацию о своём любимце.

Наконец он нашёл страницу, в пояснении к заглавию которой было указано: «Здесь уйма Татляна!», и с которой звучало целых сорок четыре песни автора, а над краткой его биографией красовалась надпись «Красная книга российской эстрады» (<http://kkre-44.narod.ru/tatlyan.htm>).

С нетерпением, волнительным ожиданием и благоговением Платон навёл курсор на «Бумажного голубя», нажал «на гашетку» и из динамиков полилась с юности знакомая песня на музыку самого её исполнителя Жана Татляна, но на слова Леонида Дербенёва:

*Однажды по городу мы шли к реке.
Бумажный голубь был в моей руке.
Зачем и откуда он? Не думал я.
А он был молодость моя!*

Однако слова у песни оказались несколько другими, чем почти сорок лет считал Платон. Тогда, в далёкие шестидесятые годы, он услышал всего лишь один куплет почти на полвека зававшей в его душу песни, да и слов толком-то он тогда не расслышал и не запомнил.

Будущий автор многих стихов и прозы не без основания и вполне мотивированно тогда посчитал, что начальные слова там были:

*А я на свидание иду к реке.
Бумажный кораблик у меня в руке.*

А продолжение куплета тогда у него, ещё не писавшего стихов и бывшим весьма далеко от литературы, само собой домыслилось, как:

*Его я пущу по волнам мечты,
А мне улыбнётся ты!*

Однако теперь он слышал полную версию песни, и не мог от неё уже оторваться. И надолго она стала в его сознании песней номер один.

Через несколько дней Платон не выдержал и дописал под ту же мелодию свою версию текста песни, назвав её «Бумажный кораблик»:

*Вот я на свидание иду к Неве.
Бумажный кораблик у меня в руке.
Его я пущу по волнам судьбы.
И мне улыбнётся ты.*

*Он будет плыть там по воле волн
Моими мольбами окрылён.
Причал для него лишь твоя рука.
А парус – моя мечта!*

*И чайка над ним, как его душа,
Кораблик защищает, над водой паря.*

*Пушай он до моря скорей доплывёт,
И счастье моё принесёт!*

*Хоть ветер Вест его назад несёт,
По воле волн мой кораблик плывёт.
Достигнет он моря в конце пути.
От гибели его спасёшь лишь ты.*

*Несёт его течение большой реки.
И мысли о судьбе его далеки.
Надеюсь, молитвы его спасут,
А нам любовь принесут.*

*Корабликом я люблюсь с тобой.
Волна не накроет его с головой.
Достигнет цели, надеюсь, он,
Твоей лишь молитвой спасён!*

Вскоре Платон Кочет послал Жану Татляну письмо со всеми ранее им написанными ему стихами и новым стихотворением «Бумажный кораблик».

Но этим поэт не ограничился. Его воспоминания рождали всё новые и новые образы из уже далёкого прошлого.

Он, например, вспомнил даже годы своего далёкого детства.

Это были ещё годы, когда народу в Москве было существенно меньше, зато культуры у него было заметно больше, и никто не боялся, например, быть испачканным в метро мороженым.

Поэтому в те годы в метро ещё продавали соки, воды, конфеты и даже мороженое!

От раздумий на эту тему Платона оторвали воробьи, подлетевшие к открытой форточке окна его рабочего помещения. Их толкнул к этому сильный снегопад, а привлёк тёплый воздух. Тут же в сознании поэта всплыли картины кормления его отцом воробьёв на широком подоконнике их старой московской квартиры в Печатниковом переулке. И одна за другой начали складываться строчки нового стихотворения:

*В доме том, что покинул давно,
Майским утром открыто окно.
Свежий запах весенней Москвы
Навивал в детском сердце мечты.*

*Шумный гвалт озорных воробьёв
Вдруг прервал дрему старых домов.
То отец крошил корм для них,
Для московских, для птиц, дорогих.*

*И, чирикая, все, как одни,
Подлетели к окну воробьи.
И клевали они вперебой,
Вызывая восторг детский мой.*

Воробьи Вы, Москвы воробьи,

*Все чирикали: чьи, чьи, чьи, чьи.
Вы мои, воробы, Вы мои!
Дорогие, мои воробы!*

*Дом уже тот состарился весь.
И года сбили с молодца спесь.
Я забыл этот случай давно.
Лишь сейчас вспомнил я про него.*

*Воробы, Вы мои воробы!
Что чирикали: чьи, чьи, чьи, чьи.
Все Москвы воробы, Вы мои!
Озорные мои воробы!*

Затем в его памяти всплыли более поздние годы, когда Москва была тепла, и из всех окон слышалась песня «Лучший город земли» ещё в исполнении Жана Татляна, а не Муслима Магомаева.

После обеда Платон решил немного пройтись по Покровскому бульвару.

Проходя мимо давно знакомого ему Детского городка, он невольно стал снова сочинять, причём под мелодию одной из песен Жана Татляна:

*На Покровском бульваре городок.
Он не низок и, конечно, не высок.
В городке том резвилась детвора,
А влюблённые сидели до утра.*

*На бульваре Покровском они
Говорили друг с другом до зари.
О любви, конечно, были их слова.
И от них кружилась так голова!*

*В городок водила раньше меня мать.
Через много лет пришёл туда опять.
Но теперь там не играет детвора.
Но любовь к нему осталась навсегда.*

*На Покровском бульваре городок.
И забор вокруг красив и высок.
В городке том гуляет молодёжь,
Где от правды жизни ты не уйдёшь.*

*Не слышны давно детей голоса.
И утрачена его красота.
Всё равно тот городок там стоит,
И меня он в моё детство манит.*

Уже возвращаясь обратно от Покровских ворот, Платон вдруг стал сочинять стихотворение непосредственно уже про Бульварное кольцо:

*Бульварное кольцо –
Подковою лежит.
Волишебное оно
С веками говорит.*

*Бульварное кольцо –
Навеки в сердце грусть:
Неполное оно,
Подкова. Ну и пусть.*

*Бульварное кольцо –
Церковный перезвон.
Как щит хранит оно
Кремля спокойный сон.*

*И на груди Москвы
Оно, как оберег.
Внутри него холмы –
Бассейны многих рек.*

*Бульварное кольцо
И в летний, жаркий день.
Зелёное оно
Бросает ветвей тень.*

*И сотни москвичей
Там на скамьях сидят.
Бульварное кольцо
За то благодарят.*

*А им в ответ оно
Листвою шелестит.
А по весне оно
Ручьями всё журчит.*

*Под снегом спит зимой
Бульварное кольцо.
Объято тишиной,
Красивое оно.*

*Бульварное кольцо
Подковою лежит
На счастье для Москвы.
Оно её хранит!*

Ну и день выдался удачный! Целых три стихотворения сочинил! – вспоминал автор дома вечером за набором текстов стихов на компьютере, и отправляя второе письмо Жану Татляну.

Не успел он утром дойти до метро, как новые строчки о Бульварном кольце вновь овладели его сознанием. Он записывал их и в метро, и в трамвае. Придя на рабочее место, он ещё

до обеда завершил и оформил уже целое, стихотворение. А чтобы различать эти два стихотворения, назвал новое «Моё бульварное кольцо»:

*Бульварное кольцо
Подковою лежит.
Как много нам оно
О прошлом говорит!*

*Бульварное кольцо –
Неполный даже круг.
Бульварное кольцо –
Надёжный, верный друг.*

*Бывало мне оно
И в радость, и в беде
Немало помогло.
Клянусь я, друг, тебе.*

*Бульварное кольцо
На сердце у меня.
Как много дум оно
Навевало, друзья.*

*Бульварное кольцо,
Где детства отчий дом.
Давно оно прошло...
С годами тяжкий стон.*

*Бульварное кольцо
«На круги, на своя»
Верни меня домой,
То Родина моя!*

*Бульварное кольцо
Мелодией гремит
К нам музыкой в окно.
А сердце так щемит.*

*Пусть жизнь идёт к концу.
Года мои летят.
Бульварному кольцу
Они не навредят.*

*Бульварное кольцо,
Родное, что с тобой?!
Изранено оно.
Молю я: Боже, мой!*

Бульварное кольцо –

*Последний передел.
Москвы оно лицо –
Осталось не у дел.*

*Как в прошлое окно,
Ты Чистые пруды,
Бульварное кольцо,
Навеки сохрани.*

*Бульварное кольцо –
Трамваев перезвон.
Теряет их оно,
А с ними память вон.
От Яузы реки
До Мекки на Тверской
Бульварное кольцо
Забылся образ твой.*

*До Храма у реки
Спасителя Христа
До берега Москвы...
Молчат мои уста.*

*Бульварное кольцо
Я слёз сдержать не смог.
Любимое моё...
Надиктовал мне Бог!!!*

Дома вечером Платон поменял местами по три четверостишия из первого во второе стихотворение и наоборот.

На следующий день история повторилась, и родилось новое, третье стихотворение, но уже под названием «Люблю бульварное кольцо»:

*Бульварное кольцо –
Вокруг Кремля венок.
Короною оно –
Москвы счастливый рок!*

*И стаи голубей
На площадях его.
То радость для детей,
Бульварное кольцо!*

*Как символы они
Все мира и любви,
Чтоб люди всей Земли
Быть счастливы могли.*

И я могу ему

*Петь песни без конца.
Бульварному кольцу,
Пожалуй, нет конца!*

*Как в прежние года,
За каждым, за окном
На Новый год всегда
Бокалов перезвон.*

*Бульварное кольцо –
Свидание с тобой.
Не стало нам оно
Подковой дорогой.*

*Бульварное кольцо,
Об этом не грущу.
Воспоминаний тень
Я в сердце не пущу.*

*А тех, чей век давно
Висками серебрит,
Бульварное кольцо
Всегда к себе манит.*

*Бульварное кольцо,
Твой образ дорогой.
Бульварное кольцо
Всегда, навек со мной!*

*Бульварное кольцо,
И бью я в грудь себя.
Все факты на лицо.
Люблю, кольцо, тебя!*

*Бульварное кольцо,
Опять на сердце грусть.
Бульварное кольцо
К тебе опять вернусь!*

И опять дома вечером радостный автор, прежде всего, по электронной почте отправил своему любимому певцу уже третье послание.

По вечерам Платон слушал его песни и опять читал в Интернете всю информацию о нём: биографию, интервью и многочисленные комментарии.

Этим, в разной степени и с разными возможностями, занимались также Александр и Егор с Варварой.

Постепенно перед Платоном предстала довольно ясная картина жизни и творчества его песенного кумира.

Жан Татлян родился в 1943 году в Греции, в городе Салоники, в армянской семье, став третьим сыном, последним ребёнком (поскрёбышем) 56-летнего Арутюна Татляна.

Арутюн Татлян и Иосиф Джугашвили не были ровесниками. Оба они родились за Большим Кавказским хребтом. Но этим моментом их сходство и заканчивается. Они родились не только в разное время, от родителей разных национальностей, но и по разные стороны Малого Кавказского хребта. Между ними с самого рождения стояла ещё не только высокая гора Арагац, но и древний Большой Арарат и, как оказалось впоследствии, не только.

Старший из них ударился в религию и политику, младший – в экономику и культуру. И каждый преуспел в своём. В зависимости от создавшейся жизненной ситуации оба они добились в жизни многого, но разного, достигнув и разной степени известности и уважения. Но о величии человека лучше судить по его детям.

Кто сейчас помнит детей Сталина? А если и помнит, то с какой стороны? Какой вклад внесли они в развитие и культуру Человечества?

А Жана Татляна помнят те, у кого есть тонкий вкус, кому присуща доброта, человеколюбие и сопереживание, кому дорога любовь и красота!

Карьеризм и властолюбие привели Иосифа Джугашвили в Кремль, в то время, как предприимчивость Арутюна Татляна со временем привела того на Дальний Восток. В самом начале двадцатых годов будущий отец Жана уже имел свою обувную фабрику во Владивостоке. Он был до такой степени патриотом, что ставил логотип «Армения» на, производимую им вдалеке от исторической Родины, обувь.

После гражданской войны и прихода к власти большевиков, из-за первоначально воцарившегося в городе хаоса, Арутюн Татлян был вынужден срочно эмигрировать, взяв лишь один чемодан с минимумом вещей и драгоценности. Бросив всё и всех, он, обогнув почти половину Земного шара, почти сорок дней плыл на пароходе до Марселя, наконец, обретя свободу.

За всю свою долгую жизнь ему пришлось увидеть немало стран. Арутюн был не только образованным и культурным, но и общительным, обаятельным, красивым человеком. Он знал много языков, и больше всего на свете любил свой армянский народ, его древнюю историю и культуру.

Родня Арутюна была родом из Турции, из города Афьон Карасар, и тоже, но намного раньше него, бежала в Грецию, в Салоники. Арутюн давно знал об этом, поэтому конечным пунктом его скитаний по миру и стал греческий город Салоники, приютивший и немало беженцев со всего Мира.

С древних времён этот большой порт на Эгейском море имел международное значение и не только для Северной Греции.

И в этом многолетнем городском хаосе беженцев Арутюн долго искал своих родных, пока не нашёл мать и сестру. А через несколько лет он познакомился и со своей будущей женой и будущей матерью Жана, чья мать, в свою очередь, была родом из Карабахского города Испарган-Тур.

24 апреля 1915 года опустошительное землетрясение в Армении вынудило сотни тысяч её жителей искать спасение в соседней Турции и Иране. В большой мере этому способствовало то, что уйти на север через горы и заваленные перевалы они уже не могли. Поэтому беженцы шли на юг в Иран, или на запад, в Турцию, в верховья реки Аракс, куда вела естественная её долина.

На массовый исход армян на турецкую территорию негостеприимные хозяева ответили известной их жесточайшей резнёй. Массовые расстрелы и так обезумевших от горя незащитных армян, привели к их отчаянному бегству на Средиземноморское побережье Турции. Преследуя их, турецкие всадники на полном скаку ятаганами срубали головы невинных, гоня их всё дальше и дальше на юг и юго-запад, пытаясь сбросить в море.

В этой обезумевшей толпе была и будущая мать Жана. В этот год она ещё восьмилетней девочкой, как и многие другие, убегая, спаслась от бойни, и с помощью греческих рыбаков, успела уплыть из Турции в Грецию.

Ведь, чтобы спасти от гибели христиан – добравшихся до моря армян – их у побережья заблаговременно ждали греки на кораблях и лодках.

Роман будущих родителей Жана был недолгим. Красавцы, они сразу приглянулись друг другу, и вскоре их чувства переросли в большую, крепкую и долгую настоящую любовь. Брак был прочным и вечным.

За долгие годы жизни в Греции их семья имела всё, о чём только можно было в то время мечтать, и не только троих сыновей, уже тогда невольно подтверждая известную литературную поговорку: «В Греции есть всё!».

Отец успешно занимался бизнесом, мать вела домашнее хозяйство и занималась младшими, которых воспитывали традиционно для всех армянских семей, когда ребёнок считается главной её целью и ему в младенчестве практически позволяется всё без ограничений и нравуочений.

А это в итоге всегда приводило к тому, что ребёнок быстро и полно раскрывал свой творческий потенциал, чувствовал себя не только любимым близкими, но и свободным человеком уважающего его общества.

Вырастая, такие дети перенимали от взрослых, а также старших братьев и сестёр, уважение к старшим, заботу о младших, чувство собственного достоинства, ответственность за свои дела и национальную гордость. И это откладывалось у них практически на генетическом уровне.

Отец неоднократно говорил Жану, своему самому младшему, своей заветной надежде: – *«Сын мой, армянином ты родился, армянином и умрёшь!»*.

И это ощущение национального самосознания и внутренней свободы всю жизнь сидело у маленького Жана в подсознании.

Семья Арутюна Татляна была крепкой и жизнестойкой. Даже трудности гитлеровской оккупации не смогли нанести ей сколь-нибудь ощутимый урон.

Но в 1947 году в их мирной, размеренной жизни наступил коренной перелом. Началась массовая репатриация армян в Советскую Армению.

И этому заметному процессу имелись весьма объективные основания.

Геноцид армянского народа в 1915 году и равнодушие остального Мира к его проблемам в итоге вынудили огромное число его представителей, разбросанных по всему Земному шару, поддаться сталинской пропаганде и вернуться на свою историческую Родину, теперь уже в Советскую Армению.

Давняя мечта армян о самоорганизации своего этноса на своей исторической территории, и надежда, наконец, обрести свою Родину, толкнула сотни тысяч их на скорую репатриацию.

И когда после Второй мировой войны зарубежным армянам разрешили репатриировать в Советскую Армению, то тысячи их со всего Света устремились на Родину своих предков. И их толкала на это ностальгия, тоска по своим корням – это очень мощное и действенное чувство.

И Арутюн Татлян тоже мечтал жить там, где когда-то жили его родные, где люди говорили на его родном языке, где народ поднимал из руин свою любимую страну и свою славную, древнюю культуру.

Его безудержно тянуло туда, где сохранились национальные армянские обычаи, быт, культура и традиции. И ещё слишком свежи были в памяти воспоминания о геноциде его народа.

Тогда ведь почти две трети армянской нации было уничтожено турками. А остальных армян однозначно сохранило ни сколько национальное самосознание, сколько религия и чувство семьи, где все её члены просто истово любили друг друга.

В армянских семьях всегда беспрекословно чтили старшее поколение, уважали родителей. И это вовсе не приводило к деспотизму отца в семье. Наоборот, как правило, отец с сыном

всегда жили дружно, общаясь, как братья, как друзья, уважая друг друга, но не стирая грань, разделяющую их.

Поэтому практически все армянские репатрианты деятельно поддерживали идею И.В. Сталина – отца большой, новой нации «Советский народ» – собрать всех армян на их исторической Родине в Советской Армении, объединившись в одну большую армянскую семью в своём законном, историческом, надёжно защищённом доме.

И это было тем вторым общим, что на время опять объединило Арутюна Татляна и Иосифа Джугашвили, эмиссары которого активно действовали во всех армянских диаспорах по всему Миру, настойчиво и убедительно призывая людей ехать в Советскую Армению.

Но перед репатриацией Арутюну Татляну естественно пришлось продать свою обувную фабрику, на которой работало 15 рабочих, и особняк почти за бесценок. Таких желающих, снять со своих ног оковы и разделаться со своим прошлым, в Салониках было немало, поэтому цены на недвижимость и движимое имущество естественным образом резко упали.

И вот, на советском пароходе «Чукотка» семья Арутюна Татляна отплыла в СССР. Сначала плыли Эгейским и Мраморным морями, пройдя Дарданеллы и Босфор, наконец долгожданное Чёрное море, встретившее репатриантов недобрым штормом. Но, как волнам о борт не биться, а причал близок! Вот и Батуми, Грузия, СССР!

На грузовиках, плотно набитых людьми в их кузовах, вскоре прибыли и в Армению, непосредственно в Ереван.

Таким образом, в 1947 году под влиянием сталинской пропаганды семья Татляна, как и другие армянские семьи, переехала в Советскую Армению. В 1947-48 годах в СССР репатрировалось около 100 тысяч армян.

Этим, больше пропагандистским актом, вождь мирового пролетариата хотел показать всему Миру мощь Советского Союза, фактически коварно обманув Арутюна Татляна и его семью.

Поддавшись пропаганде, репатрианты поначалу думали, что их всех ждёт счастливое будущее при социализме.

Но когда они приехали в Советскую Армению, то естественно оказались чужими среди местных. Хоть те и другие были армянами, но их быт, нравы, вкусы, даже язык заметно отличались.

Таким образом, все беженцы на новом месте стали ахпарами. Позже они очень сожалели о поспешно принятом решении и так поспешно состоявшейся репатриации.

И это коснулось практически всех, хотя приехали очень разные люди. И бедные, и бывшие относительно богатыми, и те, которых преследовали.

Так, например, известный джазмен Артур Сафарян сидел в иранской тюрьме, как коммунист, и, освободившись, приехал на Родину в начале 60-ых годов.

Но основное число репатриантов было ранее богатыми людьми, преуспевающими, невольно продавшими за копейки свою недвижимость и свой бизнес, потому что уезжающих было очень много, и цены резко упали.

А здесь, в Ереване им по талонам полагалось всего по 500 граммов хлеба на одного человека.

И те, кто роптал, попадали в Сибирь, или их отправляли на лесоповал. А все эти наказания были всего лишь за безобидные рассказы о том, как живут люди за границей. Даже армянских юношей из среды репатриантов не брали в Советскую армию, опасаясь их негативного влияния на неустойчивую молодёжь и её моральное разложение.

Из-за всего этого многие армяне, кончали жизнь самоубийством, бросаясь с высокого моста Победы в Ереване.

Такая тяжёлая в моральном отношении жизнь привела к тому, что получилось так, что Жану пришлось фактически самому себя делать, то есть соответствующим образом воспитать

вать. Ведь родители привезли его в Армению уже вполне смышленным мальчиком, а рождён он был в Греции свободным человеком. И это противоречие всегда сидело у него внутри.

Музыкальные способности Жана Татляна проявились очень рано. С самых ранних лет он любил музыку, его тянуло к ней, она буквально лилась из его ушей. Когда Жан стал ходить в школу, то по пути в неё, через открытое окно соседского дома часто слышал, как кто-то играет на фортепьяно. В эти моменты он забывал обо всём на свете, останавливаясь и зачарованно слушая мелодию. Но приобрести пианино у его семьи пока не было возможности.

После кочевья и репатриации их семья жила бедно. И вообще жизнь в Советской Армении, особенно для репатриантов, была не сладкой.

Поэтому уже в школьном возрасте Жан для себя решил, что ему необходимо сделать всё возможное, чтобы не работать простым винтиком на советскую власть, или, по крайней мере, быть от этого как можно дальше.

И в этом плане в перспективе сцена как раз и виделась ему глотком свободы, возможностью полнее раскрыться, как личности.

Из-за болезни и депрессии матери Жана, по совету врачей их семья в 1956 году меняет климат и переезжает к морю, в Сухуми.

Новое место жительства явилось для Жана хорошей жизненной школой. Он стал оптимистом, жизнелюбом, ценителем времени, стал беречь каждый день и каждый миг, пока есть силы, и светит Солнце.

Его семья, которой опять приходилось осваиваться в новых условиях, жила по-прежнему бедно, да и отцу было уже под семьдесят, а мать сильно болела. Поэтому школьник Жан подрабатывал побелкой домов.

Он учился в знаменитой Сухумской армянской школе № 9 имени Ованеса Туманяна, в которой окончательно освоил родной язык, а также занимался в школьной самодеятельности.

Эта одна из старейших школ Абхазии была создана по инициативе группы представителей армянской интеллигенции и священнослужителя Аветиса Тер-Мкртычяна, и открыта в декабре 1906 года.

Ещё в начале того года они обратились в Сухумскую Городскую думу с просьбой о выделении земельного участка для строительства церкви и школы. И 16 мая 1906 года Гордума удовлетворила их просьбу.

Но, не дожидаясь окончания строительства, уже первого сентября 1906 года ученики будущей школы начали свои занятия пока в частных домах.

Но с декабря того же года они перебрались уже в окончательно достроенное здание школы. В первый год их было всего 31 человек.

Эта школа всегда гордилась своими выпускниками, среди которых были: трижды лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук, профессор Сурен Клорикян; доктор медицинских наук, профессор Аршавер Флорикян; Герой Советского Союза, капитан Арутюн Чакрян; и, наконец, сам знаменитый шансонье Жан Татлян.

Имея заветное желание стать музыкантом, Жан истово изучал азы нотной грамоты. А в качестве своего музыкального инструмента он выбрал относительно наиболее доступную для него в то время гитару, сам заработав на неё малярными работами – покраской домов в дни летних школьных каникул.

В Сухуми летом всегда было очень тепло, но при этом была и высокая влажность. Дома сверху покрывали гигроскопичной известью. Вот благодаря этому Жан, привычно подработав маляром, и накопил на покупку первой гитары.

А ведь её покупка, почти за 15 рублей, была бы в то время ощутимой брешью для семейного бюджета.

К тому же Жану и немного повезло. Он купил себе первую фанерную гитару, производства фабрики имени Луначарского, всего за 10 рублей.

И этот его музыкальный инструмент предопределил всю его дальнейшую жизнь. Дело оставалось за малым – освоить игру на ней.

В это время Жан увлечённо, даже самозабвенно, занимался музыкой. Иногда он пел на окрестных турбазах.

Но попытки самостоятельно освоить игру на гитаре были явно недостаточны, и он отправился в Сухумскую филармонию, где работал музыкальный коллектив под названием «Приезжайте к нам в Сухуми».

И талантливого самоучку, не закончившего даже музыкальную школу, приняли в филармонию.

Жан ходил буквально по пятам за гитаристом Рафиком Антоняном – армянином из Баку, который в итоге и дал ему первые уроки игры на гитаре, показав первые аккорды.

И теперь Жан стал заниматься самостоятельно, и с ещё большим усердием, понимая, что его – одинокого волка – лишь ноги кормят.

Он поставил перед собой чёткую цель и твёрдо пошёл к ней.

Юношу в то время очень увлекала зарубежная музыка, особенно французская и итальянская.

Но в это же время в СССР ничего похожего и им ожидаемого не было, кроме советской эстрады.

Знакомые семьи Жана, такие же репатрианты, как и они, время от времени доставали где-то маленькие музыкальные пластинки, называемые в то время в народе «сорокапятками», из-за своих 45-и оборотов в минуту, и по аналогии с, прославившейся во время войны очень удобной для пехоты, 45-и миллиметровой советской противотанковой пушкой.

Как только Жан узнавал, что кто-то привёз новую пластинку, так сразу спешил к нему, хоть в другой конец города, а то и дальше, и переписывал все подряд песни на большой катушечный магнитофон.

Затем уже дома он их прослушивал. Не зная чужого языка, просто зазубривал незнакомые слова, копировал, а потом исполнял эти песни.

Вскоре Жана пригласили гитаристом в ту самую группу, в квартет, в которой он когда-то учился игре на гитаре, и там он стал по совместительству исполнять песни своих любимых певцов. Это были песни, в исполнении Ива Монтана, Ната Кинга Кола, Лео Ферре, Фрэнка Синатры, Эллы Фитцджеральд, Луи Армстронга и других широко известных в то время зарубежных исполнителей.

Уже тогда каждое выступление Жана вызывало бурю оваций у публики. Успех юного дарования был явно больше, чем у официального певца с консерваторским образованием. Поэтому уже тогда Жан впервые столкнулся с завистью партнёров, антагонизмом в среде артистов.

Со временем он, конечно, привык к тому, что это сопутствует всей актёрской жизни, вскоре став самым романтичным певцом советской эстрады.

В этот период времени пятнадцатилетний Жан стал уже и зарабатывать. За работу гитаристом и исполнителем он получал по 5 рублей за концерт. Поскольку Жан был ещё несовершеннолетним, деньги за него получал его отец. С этой группой он гастролирует по Украине, дав полторы сотни концертов. Вот тут-то семья Арутюна Татляна и вздохнула с облегчением.

Начали сбываться давние отцовские надежды, Жан превращался в кормильца для всей семьи, прежде всего престарелых и больных родителей.

Становлению молодого Жана Татляна, как певца, во многом способствовала и окружающая его обстановка.

Сухуми того периода был просто удивительным городом. Уникальный климат сочетался в нём со сказочно красивой природой. К тому же в нём проживало множество армян-репатри-

антов из разных стран Мира, в том числе и музыкантов. Общение с ними тоже сыграло свою роль в формировании Жана, как певца и музыканта.

Позже, уже объездив весь Мир, он признавался, что ничего прекраснее Сухуми не видел.

А пока Жан Татлян, окончив школу, решил продолжить своё музыкальное образование. И в этом ему помогла разведка боем, проведённая ранее на Украине.

Он приезжает в Киев и поступает в только что открывшуюся студию эстрадно-циркового искусства. В этом училище в одной с Жаном группе обучалась и будущая известная пародистка Клара Новикова.

Вскоре в Киев на гастроли приезжает прославленный на всю страну Государственный эстрадный оркестр Армении, и Жан естественно приходит на его выступление. Более того, его появление за кулисами было заранее оговорено. Известный певец Жак Дувалян, давний друг семьи Татляна ещё по Еревану, заранее рекомендовал своего молодого друга руководителю оркестра Константину Орбеляну. Жан приходит с гитарой на прослушивание, поёт несколько песен, после чего ему объявляют, что с удовольствием примут его в коллектив, но по достижении им 18 лет.

Но, ещё не достигнув совершеннолетия, Жан готовит сольную программу, авторский концерт, в котором исполняет только песни собственного сочинения. По тем временам это была крайняя редкость.

И вот, после окончания Киевской студии эстрадно-циркового искусства в 1961 году, осенью, по достижении 18 лет, счастливого Жана официально пригласили в государственный джаз-оркестр Армении, и вскоре он становится ведущим солистом этого ансамбля. А первыми выступлениями Жана Татляна в составе оркестра опять стали гастроли по Украине.

В девятнадцать лет Жану уже доверяли заканчивать второе отделение концертов песнями Арно Бабаджаняна и Константина Орбеляна. И хотя он был начинающим певцом, но А. Бабаджанян именно его выбрал первым исполнителем своих потрясающих песен, что было большой честью и счастьем для Жана, который в то время спел все песни Арно Арутюновича, в том числе моментально ставшими хитами «Капель», «Воскресенье», «Море зовет» и «Лучший город Земли». Муслим Магомаев перепел её лишь год спустя. Причём жена Арно, Тереза, предпочитала голос и пение Магомаева, а сам Арно – Татляна. И уже через пару недель после первых выходов в эфир, публика требовала исполнить их в любом городе огромной страны, куда бы Жану ни приходилось приезжать с концертами.

Вот так, по сути, Жан сам себя и сделал, воспитал. В начале творческого пути, не имея богатых родителей, влиятельных покровителей, он сам и довольно быстро пробился на Советскую эстраду, став известным и любимым слушателями всего Союза, ещё одним ярким представителем древнего армянского народа, который внёс исторически давний и неоценимый вклад в разные сферы развития всего Российского государства.

Так, например, в конце XIV века армянские купцы одними из первых установили торговые отношения Москвы со странами Востока, а торговый путь по Волге одно время назывался историками «армянской дорогой».

А в XVI веке многие армянские торговцы и ремесленники уже имели в Москве собственные дома, поставляли товары даже к царскому двору, в том числе очень дорогие подарки. Так в Оружейной палате находится великолепный дар армянской торговой компании из Персии, вручённый царю Алексею Михайловичу – всемирно известный «алмазный трон», украшенный алмазами, рубинами и бирюзой.

А знаменитого армянского художника Богдана Салтанова царь назначает «живописцем двора». Работая в Кремле почти тридцать шесть лет, он пишет картины и обучает «из русских людей учеников».

Постепенно всей деловой Москве становятся известны армянские фамилии Анановых, Бояджиевых, Карамурзаевых, Лианозовых и Таманцевых.

Армяне начинают поселяться и в молодой столице России, причём в числе первых, письменные свидетельства чему появляются в 1708 году.

А в 1710 году армянские купцы и ремесленники образуют в Санкт-Петербурге уже и первую свою общину.

Пётр I поощрял деятельность армян в России и содействовал их переселению из Персии и Турции. Уже в 1711 году он указывает Сенату:

– «... армян как возможно приласкать и облегчить в чём пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда».

Армяне оправдали такое к ним отношение, зарекомендовав себя способными, честными и работающими.

И уже в другом царском указе от 1723 года говорилось:

– «Честный армянский народ содержать с особливою милостью... Мы не только их купечество защищать повелели, но и ещё для вящей прибыли и пользы некоторыми особливими привилегиями жаловать будем».

В результате такой политики Россия стала для армян самой гостеприимной страной.

В XVIII веке из Ирана в Москву переехала семья богатых предпринимателей Лазарянов. С тех пор полтора века экономической, культурной и политической жизни Москвы, Санкт-Петербурга и всей России были связаны с разносторонней деятельностью членов этой уникальной семьи. Лазаревы вскоре получили российское дворянство.

Впоследствии за заслуги перед Отечеством и представителям других армянских родов были пожалованы дворянские титулы. Среди них князья Абамелеки и Аргутинские, графы Лорис-Меликов и Делянов, которые были соответственно министрами внутренних дел и просвещения.

В Москве Лазаревы имели несколько домов, и построили церковь в Армянском переулке. А в конце XIX века они построили и содержали ещё и крупное учебное заведение.

В Армянском переулке сначала открыли училище, а затем и гимназию с преподаванием не только европейских, но и армянского, персидского, турецкого и арабского языков. Здесь готовили учителей и переводчиков для государственной службы.

Всем этим семья Лазаревых внесла неоценимый вклад в развитие русско-армянской культурной и политической жизни.

Затем это заведение получило название «Лазаревский институт восточных языков». Теперь в нём посольство Армении.

В Санкт-Петербурге армяне поначалу стали расселяться на Васильевском острове, затем в Литейной части и на Петербургской стороне.

Во второй половине XVIII века по личной просьбе ювелира императорского двора Ивана Лазарева (Ованеса из того же рода Лазарянов) Екатерина II разрешила построить армянскую церковь во имя Святой Екатерины на Невском проспекте. И к концу века уже целый ансамбль прицерковных домов обрёл свой окончательный облик.

И сегодня армяне, для которых обе российские столицы давно стали родным домом, активно участвуют в их экономической, научной и культурной жизни.

Многолетнее совместное проживание армян и русских естественным образом способствовало и заключению смешанных браков, в результате которых мировой истории стали известны имена великого полководца Александра Суворова, выдающегося религиозного философа Павла Флоренского, архиепископа Аргутинского, легендарной балерины Вагановой, художника Айвазовского, театральных деятелей Вахтангова и династии Симоновых, военачальников Лазарева и Аргутинского-Долгорукова, маршала Худякова, адмирала Исакова, и многих других.

Кроме того Российской истории хорошо известны многие имена замечательных армянских строителей, дипломатов, врачей, учёных, купцов, военачальников, деятелей культуры, спортсменов.

Среди них представители армянской диаспоры в Москве и в Санкт-Петербурге.

В новое время с Москвой связали свою судьбу также и такие замечательные представители армянского народа, как маршал Баграмян, авиаконструктор Микоян, учёные Асратян, Иосифлян, Кнунянц и Чилингаров, композиторы Бабаджанян, Баласанян, Таривердиев и Хачатурян, актёры Джигарханян и Мкртычан, кинематографисты Шахназаров и династия Кеосаянов, чемпион Мира по шахматам Петросян, и многие другие.

В Санкт-Петербурге представителями армянской диаспоры в разные годы были также промышленники и меценаты Лазаревы, учёные Абамелек-Лазаревы и Орбели, герои войны 1812 года Мадатов и Бебутов, архитектор Таманян, композиторы Комитас и Спендиаров, астрофизик Амбарцумян, и, наконец, им вскоре стал и певец Жан Татлян.

Поездив по необъятным просторам Союза, где его везде встречали с бурей восторга, Жан искренне полюбил страну, особенно её народ.

Но в силу семейных традиций, воспитания, и, главное, исторических обстоятельств, Жан вырос аполитичным. Для него важным было только его творчество, самовыражение, восприятие его песен народом. К счастью, они были в унисон с духовными чаяниями и всего советского народа.

Но о жизни в СССР он часто судил по версиям А.И. Солженицына.

Жан продолжал гастролировать по стране с оркестром К. Орбеляна.

Заканчивался 1961 год. После гастролей в Москве – Ленинград.

Впервые увидев его, Жан сразу, с первого взгляда, и бесповоротно влюбился в этот удивительный город. Всё своё свободное время он гулял по заснеженному городу, наслаждаясь его первозданной красотой.

Даже поздними вечерами, сидя у окна гостиничного номера, он смотрел на закованную льдом Неву, на туман, на фонари, на искрящийся снег от их мерцающих огней, мечтая и сочиняя.

Именно этот зимний, вечерний Ленинградский пейзаж в самое тёмное время года – в декабре, и подсказал Жану тему песни «Уличные фонари» или просто «Фонари».

Пасмурный, но прелестный вид за окном навеял грусть. За ней из его души полилась лирическая мелодия. Он стал записывать её. Тут же появились и слова о друзьях – фонарях.

И под влиянием светящихся и мерцающих в тумане за окном ночных фонарей на Невской набережной, Жан записал текст и мелодию. На следующий день он обратился к конферансье Юрию Гарину за помощью в написании слов песни.

Тот согласился. Выслушав набросок мелодии Жана, он довольно быстро придал его словам стихотворную форму и более глубокий смысл, по праву став, таким образом, автором слов этой замечательной песни.

В то время Юрий Гарин был уже известным юмористом, пародистом и поэтом – песенником. Со временем он станет также и заслуженным артистом России и десятикратным лауреатом фестивалей «Песня года».

Он родился 20 июня 1934 г. в Умани. В 1952 году окончил училище культпросвет работников в Симферополе, и работал в качестве конферансье на эстраде в филармониях Ялты, Кировограда, Орла, Челябинска, и, наконец, стал работать с Государственным оркестром Армении. Позже он станет работать и с Ленинградским эстрадным оркестром, а в новом веке с женой будет жить в Израиле.

А пока, вернувшись в Ереван, и окончательно дописав свою первую песню «Фонари», с одной гитарой Жан пришёл на телевидение Армении и спел её, стоя под огромными прожекторами.

Записанная на Ереванском телевидении первая песня Жана Татляна «Фонари» стала настоящим шлягером.

Сразу после её исполнения, Жан стал просто дико популярным в Ереване, наконец, став там своим. Ведь фонари, огни – символ Еревана. Жан точно попал в тему. Ереванцы считали,

что ни в каком другом городе Мира нет таких фонарей, как у них. Армянские девушки теперь просто визжали на его концертах от восторга и страсти, чуть ли не «писая кипятком в потолок».

Он стал Элвисом Пресли Еревана. И ещё бы?! Выразительная внешность, бархатный баритон, мелодичность песен, простые и доходчивые слова быстро сделали красивого армянского юношу с большими карими грустными глазами кумиром многих, и не только женщин.

Затем его песня быстро облетела всю страну, став всенародно любимой, а её исполнитель – знаменитостью.

Жан стал первым общим кумиром, его стали обожать все, от мала до велика.

Через месяц мотив песни «Фонари» уже насвистывали везде.

– *«Значит, получился хороший шлягер, раз так прилип к людям мотив этой моей песни!»* – решил тогда Жан.

В своё время по этому поводу он оригинально высказался одному из своих учителей Арно Бабаджаняну:

– *«Хороший шлягер, это когда четыре ноты – ещё мало, а шестая – уже лишняя! И секрет, и искусство здесь в том, сложатся ли они в мелодию? Как шахматные фигуры!».*

И сложились! Жан гастролировал с Государственным эстрадным оркестром Армении под управлением Константина Орбеляна по всей стране, собирая переполненные залы. Предложения на гастроли сыпались отовсюду.

План гастролей был расписан на несколько месяцев вперёд.

Жан был на подъёме. Его постоянно пытались переманить в другие города Советского Союза. Отовсюду сыпались заманчивые предложения. Свою руку и сердце предлагали Москва, Ленинград и Киев, хотя прописка в этих ведущих городах страны, в то время была практически невозможна.

В последнем вообще считали, что, по известным историческим причинам, имеют на восходящую звезду особые права. При уродливом предложении работать в самом престижном эстрадном учреждении советской Украины, они даже в шутку, или с долей правды, предлагали Жану сменить свою фамилию на Татленко.

Хотя возрастающая популярность не вскружила Жану голову, но между ним и руководством ансамбля поначалу наметившиеся творческие споры постепенно переросли и в некоторые трения по поводу обновления репертуара.

В 1964 году Жана в очередной раз приглашают в Ленинград.

К сожалению, к этому моменту отношения с руководством оркестра не сложились, и в 21 год Жан Татлян, чем-то обиженный, переезжает в Ленинград, и становится солистом Ленконцерта, отказавшись от карьеры в Москве и Киеве.

И свой последний концерт в Ереване Жан Татлян и дал в этом, очередном переломном в его жизни, 1964 году.

Как только Жан приехал в город на Неве, то первое время жил в гостинице «Октябрьская». Оттуда ему было удобно добираться до «Ленконцерта» – всего две остановки до Малой садовой улицы.

Потом он стал снимать комнату на Моховой улице.

И только со временем «Ленконцерт» смог выделить Жану Татляну однокомнатную квартиру на последнем этаже нового дома, недавно построенного в Батайском переулке за станцией метро «Технологический институт».

В этом переулке, идущем параллельно Московскому проспекту, рядом с четырёхэтажным домом Жана, втиснутым между двумя зданиями дореволюционной постройки, находился маленький детский скверик, через который, с постоянной ностальгической улыбкой по своему детству, впечатлительный певец проходил к своему новому очагу.

Зарабатывая на творчестве Ж. Татляна большие деньги и популярность, руководители «Ленконцерта» добились от Г.В. Романова не только прописки того, но и выделения ему жилья, причём даже по его выбору.

Один из вариантов был на Московском проспекте, но Жан выбрал именно Батайский переулок, откуда было до метро всего метров четыреста, а автомобилем он в то время ещё не пользовался.

Да и в Ленинграде Жан бывал не часто, больше разъезжая по стране.

Здесь он бывал только летом и зимой, давая всего по несколько концертов. По этой же причине он пока не покупал машину, так как на ней ещё некуда было ездить.

А свою первую машину «Москвич» Жан купил только тогда, когда смог поехать в отпуск на Украину, и то, больше для того, чтобы потом возить на ней своих родителей. Причём его популярность помогла ему, не стоя годами в очереди, оформить машину в «Гостином дворе» быстро и без проблем, всего за пять дней.

В те годы Жан жил один, так что однокомнатной квартиры ему вполне хватало. Поэтому он и не стал покупать большую кооперативную квартиру.

К тому же Жан всегда, можно сказать исторически, был неприхотлив в вопросах быта.

Он всегда старался разместить вещи, как можно экономнее по площади квартиры. В комнате этой квартиры у него стояли всего стенка и диван-кровать. А стол, чтобы он не занимал много места, Жан сам сделал откидным, прикреплявшимся к стене. А над ним уже висел ажурный, квадратный, металлический фонарик – символ Ленинграда.

Жан вообще не очень интересовался вещами, хотя по тем временам мог купить или достать любую из них.

Приученный отцом ещё с детства, он в перерывах между гастрольями всё всегда делал сам: клеил обои, мастерил полки, красил, ремонтировал.

Деятельный Жан вскоре создаёт и свой оркестр, по сути, симфоджаз, в котором было семнадцать музыкантов.

Жан Татлян выступает с сольными концертами по всему Союзу. Его популярность временами перекрывает славу самых именитых исполнителей, которым принадлежали лучшие концертные залы страны.

Под новый, 1965 год, Жан Татлян выступает в Москве на «Голубом огоньке» с песней «Гитарово». В будущем эта запись по чистой случайности, из-за опечатки в архиве, оказывается единственной сохранившейся его телевизионной записью в нашей стране.

Здесь же, на московской земле, он в последний раз встречается с давним другом семьи Жаком Дувальяном перед возвращением того обратно в Париж.

И это теперь было единственным, что пока угнетало Жана Татляна в этот период его жизни.

Жак Дувалян родился в 1920 году в армянской семье в сирийском городе Алеппо, куда его родители бежали в 1915 году от турецкого геноцида.

В 1925 году его семья переехала в метрополию Францию, в Париж.

В школе Жак хорошо учится, имея явные способности к точным наукам.

Но любовь к музыке и пению всё же пересилила.

Жак был талантливым математиком и несостоявшимся астрофизиком, но зато вполне состоялся, как певец – французский шансонье.

В 1940 году он запел в парижских кафе. Среди коллег и друзей были Шарль Азнавур и Жорж Гарваренц – будущий автор текстов нескольких песен уже самого Жана Татляна.

В 1954 году Жак Дувалян вместе со второй волной, после первой сталинской волны репатриантов в 30 тысяч человек, приезжает в Советскую Армению, в Ереван. Там он выступает, как певец, знакомится с семьёй Арутюна Татляна, и наблюдает за его одиннадцатилетним, талантливым к музыке, младшим сыном Жаном.

Став для публики ярким представителем французского шансона, Жак Дувалян сначала естественно пел только по-французски, но никого это не смущало. В этом был даже какой-то свой шарм. Но затем он запел и по-русски, и по-армянски. Жак пишет песни и сам их исполняет.

В 1956 году, только что возглавивший Государственный эстрадный оркестр Армении Константин Орбелян, приглашает к себе певцом Жака Дувальяна, выступления которого становятся ударным номером его оркестра.

Красивый, высокий, мужественный и лёгкий, с приятным баритоном, Жак Дувалян быстро становится любимцем публики.

Его репертуар разнообразен и постоянно пополняется. Его песни уже напевает вся страна, потому что в своём творчестве Жак всегда держится на неуловимой границе лёгкого и серьёзного, грустного и весёлого.

Вся армянская эстрада 50 – 60-ых годов вообще расцвела под влиянием французского шансона, представленного именно Жаком Дувальяном, в молодости слушавшего и Эдит Пиаф.

В 1959 году Жак Дувалян переезжает в Москву и выступает в ансамбле Юрия Саульского.

Однако в начале 60-ых годов он понимает, что не может больше жить в СССР, не может больше существовать в атмосфере партийного диктата, стукачества коллег и внимания КГБ.

Последней каплей, переполнившей его терпение, стал концерт в Одессе, и совет уполномоченного сотрудника не петь больше еврейских песен.

Тогда Жак опрометчиво отшутился:

– *«А что, в Одессе всё ещё немцы?!»*.

Этим он окончательно засадил себя под известный колпак.

Товарищи начали сообщать Жаку о ведущейся против него «работе».

Но рыцарская честность не позволила ему мириться с окружающей действительностью, и Жак Дувалян решает навсегда уехать из СССР.

Но в то время это было сделать нелегко.

Тогда Жак симитировал болезнь связок и потерю голоса, и с помощью Шарля Азнавура вернулся назад в Париж.

Таким образом, несмотря на популярность в нашей стране, французский певец Жан Дувалян через одиннадцать лет снова вернулся во Францию.

Старший Жак словно передал эстафету в СССР своему давнему другу, младшему Жану.

Но покинуть Ереван и Армению, вскоре пришлось и самому Жану Татляну.

Его оркестром сначала дирижирует А. Паулавичус, которого потом сменяет ещё один сильный музыкант Григорий Клеймиц.

Григорий родился на два года позже Жана в Ленинграде в семье профессора Ленинградской консерватории.

С шестнадцати лет, еще до окончания консерватории, он профессионально работает на сцене пианистом и аранжировщиком, сначала аккомпанируя Жану, а потом надолго став и дирижёром оркестра.

На следующий год их оркестр даёт почти четыреста концертов, и все «живьём», без каких-либо фонограмм. Помогла советская закалка.

В день для Жана иногда доходило даже до четырёх сольных выступлений. В месяц – до семидесяти. А в год – до четырёхсот пятидесяти.

Всюду все мечтали услышать и увидеть живого Татляна. Даже отдыхать было некогда. А перегрузки становились опасными для здоровья.

Утешали лишь большие гонорары, и любовь огромного числа поклонниц и поклонников в Союзе и за рубежом.

Со временем в центре города у него появилась большая трёхкомнатная квартира, затем новая машина, а потом, хоть и не новый, но большой прогулочный катер на Неве.

За сольный концерт Жан тогда получал 39 рублей. За месяц набегала просто фантастическая по тем временам сумма авторских гонораров, за тысячу рублей. А это были для Советского Союза просто сумасшедшие деньги. В то время Жан Татлян уже был в десятке самых высокооплачиваемых композиторов страны, хотя он и не был членом Союза Композиторов, и не имел консерваторского образования. Он давал государству в сотни раз больше, чем получал от него. Однако у него было всё, о чём другие даже не мечтали: квартира, машина, огромный катер, не говоря о деньгах. Будучи молодым человеком, он мог выбрать любую красавицу. Но эти ценности для Жана Татляна были не главными. Его уже тогда манила свобода творчества.

В 1966 году выходят первые его две пластинки «миньоны».

На одной из них, без названия, были бразильская народная песня «Люблю танцевать самбу» на греческом языке, «Уличные фонари», «Гитарово» и «Моя песня о Родине» на армянском языке.

На второй, под названием «Песни А. Бабаджаняна» можно было услышать «Песню о капели», «Море зовёт», «Воскресенье» и «Лучший город Земли».

На следующий год выпускаются ещё две пластинки.

На первой, под названием «Жан Татлян поёт свои песни», слушатели могли наслаждаться песнями «Звёздная ночь», «Ласточки», «Воздушные замки» и «Осенний свет».

На второй, и так понятной уже без названия, их сердца покоряли «Страна влюблённых», «Воспоминание», «Хочу забыть» и «Память».

Затем выходит пластинка с песнями «Белый медвежонок», «Корабли» и «Старая башня».

И все эти пластинки имелись у Платона, большинство из которых было подарено ему любящими девушками. Вот только с предпоследней пластинкой произошла трагедия.

Однажды мать Платона Алевтина Сергеевна, раздосадованная тем, что её сын слишком долго их слушает и не занимается институтскими заданиями, бросила всю стопку на пол, вдребезги разбив, находящуюся, как назло снизу, его самую в то время любимую.

Но песни, ставшего уже легендарным, Жана Татляна выпускаются так же и на гибких грампластинках, в том числе в популярном музыкальном журнале «Кругозор».

Жан часто выступает по радио, на «Маяке». Иногда его можно было видеть и слышать и на телевидении.

Именно по телевизору Платон успел увидеть Жана, идущего по набережной Невы и поющего песню «Бумажный голубь», почти на сорок лет запавшую в душу верного почитателя его

таланта. По радио Платон слышал также его песни «Весёлый гном» и «Старая песня», фрагменты которых потом сам часто распевал наедине с самим собой.

Жан выступал при Ленконцерте до конца 60-ых годов. В это время им были написаны все его главные хиты. Кроме уже перечисленных песен это были «Осенние следы», «Ты поверь», да и многие другие.

Жан пробился в народные любимцы благодаря своим песням о любви. Под его песни люди встречались, любили, женились, рожали детей.

Другие же известные его коллеги пробились на музыкальный Олимп во многом только благодаря партийной теме в своих песнях.

Жан всегда был один в поле воин, «Белой вороной», шёл своей дорогой. Он не любил «тусовки», из-за чего его считали слишком гордым, чужаком.

Поэтому Жана Татляна никогда и никуда не выпускали за границу, даже прятали от иностранных импресарио.

Когда в 1965-1966 годах в СССР приезжал хозяин зала «Олимпия» и Парижского мюзик-холла Брюно Кокатрикс выбирать коллектив для гастролей во Франции, то он попросил показать ему Татляна:

– *«У вас в Союзе есть певец, который пишет и поёт песни в стиле шансонье. Познакомьте нас!».*

Но ему соврали, сказав, что Татлян сейчас находится на гастролях или в Сибири, или на Дальнем Востоке, или, вообще, болен.

Позже, узнав об этом, Жан искренне недоумевал:

– *«Почему я не могу петь в знаменитой «Олимпии», владелец которой лично обратился к нашим властям, чтобы мне разрешили выступить в прославленном зале, и с честью вернуться в свою страну?! У меня это в голове не уместается, для чего нужно было так поступать?!».*

Жана не пускали даже к тёте в Лион, несмотря на многократные её приглашения. И хотя он стал советским гражданином ещё в детстве, ему всё равно было трудно понять такие выкрутасы советской власти.

Поэтому это тоже вызывало у него крайнее недоумение:

– *«Почему я не могу провести отпуск во Франции, где живет моя родная тетя? Почему я должен выслушивать вкрадчивые разъяснения «официальных лиц» о том, что такая степень родства – недостаточное основание для поездки «туда?!».*

Жан был рожден свободным. И эпитет «не выездной» теперь не давал ему покоя. К тому же творческие люди, как правило, намного тяжелее остальных переносят психологическое давление.

Чувство внутренней и творческой несвободы теперь не покидает певца.

Он не соглашается с политикой, проводимой в нашей стране.

Гордится тем, что не пишет и не поёт «идеологически выдержанных песен» по заказу партии о красном флаге, о комсомоле, о серпе и молоте, о БАМе, о космонавтах, и так далее, как, например, Иосиф Кобзон, не подстраивается под кого-либо, он всегда искренен со своими слушателями.

А на вопрос доброжелательных коллег, почему бы Жану не написать несколько бодрых песенок о комсомоле, и спать спокойно, жить так лет десять до новых песенок, он также спокойно отвечал:

– *«А я был бы тогда сам себе противен! Я не могу и не хочу себя заставлять делать то, что мне противно!».*

Когда в 1968 году Жан Татлян пять раз пересдавал свою программу худсовету, то некоторые его члены даже повесили ярлык «абстрактный гуманизм» на песню «Воздушные замки».

А песни «Осенние следы» и «Осенний свет» не понравились худсовету в его исполнении, так как критики считали, что для молодого парня это неприемлемо, ибо в них была сплошная грусть, и не было оптимизма.

Но Жан всегда был оптимистом, его всё в жизни радовало, и даже в относительно плохом он всегда находил хорошее. Поэтому на это Жан ответил своим критикам, что эти его песни не грустные, а лирические и романтические, чем вызвал отеческую улыбку у некоторых членов худсовета, и, в конечном счёте, снисхождение к его программе.

Многие были готовы голосовать против, так как их смущала его биография, и то, что происхождением Татлян из семьи репатриантов, по сути, сам репатриант.

К тому же он был первым человеком на эстраде, который не пел песен советских композиторов, а пел только песни собственного сочинения.

Они спрашивали Жана, а почему он не хочет петь песни известных советских композиторов?

Тот отвечал, что сам пишет песни, приводя в пример французских шансонье.

Однако те возражали:

– *«А мы не во Франции! Мы в Советском Союзе! Да Вы космополит, Жан Арутюнович!».*

Фактически назвав Жана «врагом народа», они всё же пошли на компромисс, разрешив ему в одном отделении петь свои песни, а во втором – песни некоторых советских композиторов.

Но упрямый армянин сопротивлялся, задавая всем принципиальный вопрос:

– *«Ну почему я не могу петь свои песни, если они все нравятся народу?».*

Но тут вмешался его руководитель Г.М. Коркин, который настоял:

– *«Жан, выпусти пар! На твои концерты в Театре Эстрады в Ленинграде на два месяца вперёд все билеты проданы, а у тебя программа ещё не утверждена!».*

Очень уважая руководителя «Ленконцерта» Георгия Михайловича Коркина, Жан вынужден был согласиться.

И тогда он взял в свой репертуар в то время популярную испанскую песню «О кумба-кумба-кумбачеро», ранее исполнявшуюся Жаком Дувальном, назвав её в программе песней кубинских революционеров.

Но зато другие песни Жана Татляна звучали не только из всех окон домов, но и со всех танцплощадок, Домов культуры и ресторанов.

Ведь Жан Татлян был самым романтическим певцом советской эстрады с 60-х до начала 70-х годов.

Запоминающаяся внешность, неприкосновенный и проникновенный голос, сценическая непринуждённость, лишённая малейшего намёка на развязность – было от чего потерять голову многочисленным поклонникам.

В кратчайшие сроки распродается более пятидесяти миллионов его пластинок! Виниловые пластинки со знаменитыми «Фонарями» раскупались сходу. Даже в глухих местах, в дальних деревнях России, «Фонари» Жана Татляна распевали под баян древние бабушки. И каждая новая его песня моментально становилась шлягером.

Многие женщины Союза сходили по нему с ума. Толпы их, страстно влюблённых и в самого Жана, и в его творчество, обмиравших от его взгляда, после концертов осаждали гримёрную и служебный вход, лишь бы прикоснуться к своему кумиру.

Многие девушки и женщины Советского Союза, влюбленные в Жана, мечтали о встрече с ним, жаждали просто отдаться ему. А в отсутствии оного они просто мастурбировали, представляя, что их любимый кумир своим скрипичным ключом открывает их заветное.

Такое сильное возбуждение толкало их на реальную связь с мужчинами, отдаваясь которым с закрытыми глазами, они представляли Жана. Таким образом, он опосредованно повлиял

на увеличение рождаемости в Советском Союзе, на исключение демографической проблемы из числа актуальных.

Поэтому после концертов Жан вынужден был по часу, полтора, отсиживать в своей гримёрке, общаясь лишь с близкими ему людьми.

Но на выходе поклонницы всё равно окружали его, и когда он садился в машину – поднимали её на руках, не давая тронуться с места. И кому-то из них удавалось помадой написать на стеклах окон его машины свои признания в любви.

В это время ему примитивно завидовали даже «великие мира сего».

Немногие из популярных артистов испытывали на себе любовь толпы в такой мере, когда на руках несут не тебя любимого, а твою машину.

Кому-то было трудно пережить такое.

Тем более, когда вся эта слава достаётся молодому и талантливому самоучке, мальчишке, в общем-то, а не тебе – пахарю, мучителю самого себя.

Когда этот вызывающе красивый парень ни в чём себе не отказывает, не думает идти на сделки с начальством, не прославляет партию и правительство, гордо пренебрегает даже попытками поговорить с ним об этом – то кому-то, прятавшему свою совесть в карман, это было просто непереносимо.

Поэтому аполитичность Жана тоже раздражала чиновников от власти.

К счастью, директор Ленконцерта Георгий Михайлович Коркин не был номенклатурщиком, прекрасно разбирался в искусстве, особенно хорошо знал классику и эстраду.

Он неоднократно бывал во Франции, хорошо знал шоу-бизнес, понимал шансон. Ранее он был директором Мариинского театра, когда во Францию из его труппы сбежал Нуриев. По возвращению в страну его наказали, он потерял в должности, но Жан от этого, получается, выиграл.

Но над головой Жана Татляна стали сгущаться тучи.

В том же 1968 году его наказали «за недостойное артиста поведение», на год отменив гастроли по СССР.

Перед этим Жан не поладил с директрисой Орловской филармонии – известной и влиятельной персоной советской эстрады.

Как оказалось, у той всё было схвачено и в партийных кругах и в Министерстве культуры.

Она потребовала дать дополнительный концерт 30 декабря, из-за чего шестнадцать музыкантов из оркестра Жана Татляна не успевали к своим семьям в Ленинград на встречу Нового года. Но Жан не мог так подвести своих коллег-товарищей, с которыми всё было заранее оговорено и спланировано, и отказал её самоуправству.

Жан вообще всегда заботился о членах своего коллектива. Если на гастролях ему давали в гостинице номер люкс, а остальных музыкантов расселяли в общежитии, то он всегда протестовал и добивался для них приличных номеров в гостинице.

Та, в отместку, не подала автобус для музыкантов, чтобы отвезти их до вокзала, а вдогонку направила гневные письма по инстанциям.

Но в этих жалобах речь уже шла совсем о другом.

В них говорилось о том, что Жан Татлян ведёт себя на сцене развязно – ходит по ней с микрофоном в руках, и разговаривает с публикой!? Эту волну травли гения почему-то подхватили и некоторые газеты, опубликовав статью «Зарвавшаяся звезда». Эта маразматическая статья, в которой манеру певца свободно передвигаться по сцене и разговаривать с залом расценили как недостойную советского артиста, готовила общество к тому, что оно полюбило «не того» артиста, что эта любовь оказалась ошибкой.

Отец Жана был мудрым, многое повидавшим на своем веку, человеком, и у него были афоризмы на все случаи жизни. И в этом случае он, всё ещё семидесятилетним певшим в хоре,

своим громовым, металлическим голосом, от которого даже бывало дрожали люстры, сказал бы своему младшему:

– *«Сын мой, жизнь – это лестница вверх и вниз! И я желаю тебе всегда держаться подальше от двух дверей – казенных и больничных!».*

Отец Жана, вообще, в своё время признал, что совершил жуткую ошибку, уехав из Греции в СССР, всю жизнь жалея об этом.

И теперь от больших физических нагрузок, ещё и «сдобренных» моральными мучениями от несправедливой критики и травли, Жан просто не выдержал. У него буквально начались физические приступы удушья.

И для него это теперь стало вопросом жизни – быть или не быть, петь или не петь. А не петь он просто не мог. Для Жана было просто унижительным, что он считался не выездным. Он постоянно ощущал себя «черной костью», и не мог смириться с положением человека второго сорта.

У нас никогда не любили гениальных и талантливых людей, тем более чувствующих себя внутренне свободными, втайне завидуя им.

Жан раздражал коллег по цеху нежеланием примкнуть к тому, что сейчас называют мерзким словом «тусовка», а начальников от культуры – своей независимостью, благородством и природным аристократизмом.

И стоило какой-нибудь серости свою критику постепенно превратить в травлю высунувшегося из общей массы гения, как тут же её подхватывала свора цепных, бешеных псов, от злобы брызгавшая слюной, доходя в своей «критике» просто до абсурда. Попросту Жана ревновала к народу и местная партийная элита. Один местный партийный босс, секретарь провинциального обкома, как-то открыто возмутился, увидев огромную афишу с изображением Жана Татляна на фоне блеклой галереи местных передовиков производства:

– *«До каких пор будет это безобразие?!».*

После чего он послал в ЦК КПСС гневный донос на него. Отвечая на вопросы интересующихся его популярностью, Жан шутливо объяснял:

– *«Природа моя такая, характер. Беру всё налегке!».*

Но над головой Жана продолжали сгущаться тучи. А зацепок и всякого рода удавок, которые мешали Татляну жить, было хоть отбавляй!

И хотя он был очень популярен среди народа в 60-ые годы, но чиновники от власти его уже просто «душили» со всех сторон, всячески ограничивая его свободу и популярность.

Но генетическое неприятие несвободы, в конце концов, дало о себе знать. Ведь в СССР из Греции Жана привезли в пятилетнем возрасте, когда под воздействием, в том числе и окружающей среды, уже были заложены основы его характера и поведения.

С самой колыбели Жан Татлян был свободным человеком. И этого ощущения свободы ему не хватало, особенно в последние годы жизни в Советском Союзе.

Кроме того, у него тогда просто не было иного выбора.

Как артист, как певец, он уже не видел для себя никаких творческих перспектив, и прекрасно понимал, что никогда не сможет реализовать то, что бурлило внутри его щедрой души и мечтало выплеснуться наружу.

Ему было почти двадцать восемь лет, а его уже душило ощущение, что он упёрся головой в потолок, расти больше некуда.

И тогда Жан решил последовать примеру старшего друга Жака Дуваляна и уехать из страны, причём тоже в Париж.

Перед отъездом из Советского Союза, он в 1970 году на прощание посетил Армению, Ереван.

В СССР оставалась мама Жана. Но она была волевой и мудрой женщиной, на прощание сказав сыну:

– «Если ты считаешь, что тебе за границей будет лучше, то поезжай!».

Что интересно, такой жизненный поворот в его судьбе и ещё долголетие Жану Татляну предсказал легендарный маг и парапсихолог Вольф Мессинг, с которым тот как-то давно встретился на гастролях в Куйбышеве.

Жан Татлян всегда считал себя настоящим шансонье, в классическом и историческом понимании этого слова, когда ещё их звали трубадурами в Европе, или ашугами на Кавказе и Ближнем Востоке. Это были уличные певцы, которые в своих, ими же сочинённых песнях рассказывали простые житейские истории. Поэтому в каждой их песне был свой маленький сюжет, сценарий – лирический, драматический или комический.

И каждый раз их песня доносилась до слушателей по-разному, в зависимости от настроения певца, его состояния. И разве фонограмма может передать это меняющееся состояние?

И всё, что Жан Татлян пел с самого начала своего творческого пути, по его глубокому мнению относилось к шансону, в классическом его понимании. И до сих пор Жан Татлян является его ярким представителем.

И все песни Жана – это творческий отголосок его биографии, лирический дневник всей его жизни. И к этому он стремился ещё в 60-ые годы, когда жил в СССР. Особенностью этого стиля является не только музыка, но и особое, доверительное, душевное взаимоотношение со слушателями. Потому Жан всегда и имел у них оглушительный успех.

В 1971 году в составе туристической группы он вылетел в Париж с одним чемоданом и гитарой сроком на 10 дней.

А там попросил политическое убежище. Через много лет знающие люди сказали ему, что он тогда вовремя уехал. Ведь одним из основополагающих принципов Советской власти был: «Кто не с нами, тот против нас!».

Поэтому, буквально на следующий день после этого известия «искусствоведы в штатском» с утра пораньше явились на радио «Маяк», и навязчиво велели редакторам программ изъять все пленки с записями Жана Татляна и всё с них стереть в их присутствии.

А в Советском Союзе было приказано тихо забыть о перебежчике.

Чиновники от искусства сделали всё возможное, чтобы забылось имя певца, как будто он не жил и не пел, а его песни предались забвению, хотя о политике в них не было ни слова.

По указке сверху пластинки Татляна повсюду изымаются и уничтожаются, а магнитные записи в фонотеках, на фирме «Мелодия», в Доме звукозаписи, на радиостанциях разных городов стираются и размагничиваются. Жану было до слёз обидно и за страну стыдно.

Та же участь постигла телевизионную пленку. Ревнивая власть постаралась сделать все, чтобы страна забыла о любимом певце.

Их размагнитили даже на исторической родине, хотя можно было проявить каплю мужества и задвинуть их в темный угол. Но партийная «совесть» и животный страх руководителей Гостелерадио Армении это сделать не позволили.

На радио и телевидении не осталось практически ничего. Даже «Голубые огоньки» с его участием перекраивались, заново монтировались, чтобы люди забыли и его лицо.

Но, как впоследствии оказалось, несмотря на цензурные клещи, многие из истинных его поклонников и любителей лирических песен о любви сохранили не только память о певце, его имя и песни, но и его записи и пластинки. Так, например, поступила и известная работница всесоюзного радио Диана Берлин.

Своим друзьям Жан так объяснял свой вынужденный отъезд:

– «Да, я был очень популярен! Но я был молчаливым диссидентом, хоть политикой и не занимался. И моя совесть чиста – я никогда не подпевал режиму.

А у нас в стране все известные певцы, композиторы, писатели и поэты были орудием пропаганды для партии. А те, кто не подыгрывал, например, Бродский, Ростропович, были уже изгоями.

Так вот, уже вскоре после своего отъезда я узнал, что существовал целый список певцов, артистов эстрады, на кого уже объявили гонения. Был даже получен приказ: пластинки уничтожить, пленки размагнитить.

Это сделали и с записями Ларисы Мондрус, Михаила Александровича и других певцов.

Может, к счастью для меня, а может, нет, тогда такие, как я, мешали режиму, были ему неудобными. И что меня могло тогда ждать, если бы я вдруг не выдержал прессинга и сорвался? Или психушка, или лагеря, или алкоголизм, или ещё что-нибудь?

Так что мне оставалось только уехать, чтобы не оказаться на «казенном» пороге. И мой отъезд в никуда, а это было действительно отъездом в никуда, стал своего рода демаршем против власти!

Но всё же, главное было в другом: я остро чувствовал несвободу!».

Да, Жану Татляну повезло. Он был на гребне волны известности и славы, вероятно, первым настоящим советским поп-исполнителем.

Потому и проскочил на Запад. Могло быть и хуже.

И всё-таки, было совершенно непонятно, для чего нужно было не только вымарывать из контекста нашей жизни людей, составлявших гордость страны, но и ещё злорадно плевать им вслед, как это было сделано не только с Жаном Татляном, но и с Ларисой Мондрус, Эмилем Горовцом, Вадимом Мулерманом и другими.

И так, в 1971 году Жан Татлян оказался в Париже, по-французски зная только «Cherchez la femme».

Первым делом он нашёл своего давнего друга Жака Дувальяна, который и предложил дорогому гостю временный кров, и сразу же пристроил его певцом в своём баре, где Жан первые дни немного осмотрелся и размялся.

Затем Жан направился с гитарой в знаменитое русское кабаре «Распутин», находившееся почти в тридцати метрах от Елисейских полей.

Его хозяйкой была знаменитая «Королева ночного Парижа» мадам Елена Мартини. По словам газетчиков того времени, с его двумя оркестрами и увеселениями, это было самое роскошное, самое боярское из всех русских кабаре в Париже.

Жана сразу прослушали и буквально на следующий день он начал работать. Хозяйка с удовольствием приняла к себе свежий голос из Советского Союза.

Буквально нырнув в подвал, Жан сразу был принят на работу, пропев там целый год.

В первые вечера, в полуторачасовой перерыв между выходами на сцену он зачарованно бродил по Елисейским полям и душа его, ещё недавно не выездная, радостно пела:

– «Я свободный человек! Птичка всё-таки выпорхнула из золотой клетки!».

Но выступать приходилось много.

О своих песнях, о советских шлягерах, там пришлось сразу забыть. Даже о знаменитых «Фонарях», от которых Жан, после беспробудных гастролей по СССР, уже просто офонарел.

Он поменял репертуар, который стал состоять в основном из народных – русских, украинских, греческих, армянских и цыганских песен. Они были более популярны, чем песни, любимые в СССР. И это неожиданно оказалось хорошей школой и блестящей практикой даже для его голоса, его диапазона и дыхания. Кроме того, Жан пел песни своих кумиров – Шарля Азнавура, Фрэнка Синатры, Жильбера Беко, Лео Ферре, Ната Кинг Колла.

Обычно многие люди, достигшие известности, популярности, забывают о своих кумирах, которых они когда-то, еще в молодости, копировали. Как будто считают себя, чуть ли не богами. А Жан, наоборот, – всегда с почтением относился к своим кумирам, любил их, уважал и почитал, и даже, в какой-то степени, до сих пор преклонялся перед ними.

Конечно, ему сначала было трудно, и жизнь давала ему свои уроки. Ведь заграница не сразу открывает свои объятия эмигрантам. И Жан не гнушался никакой работы.

Первые два с лишним месяца он жил у Дувальяна, а затем снял квартиру.

Потом ему предложили параллельно петь ещё и в кабаре «Московская звезда». Для бывшего советского артиста это была большая привилегия, и Жан согласился.

Таким образом, после больших залов и оркестра Жан Татлян опять взял в руки лишь одну гитару и пел в русских варьете в Париже «Распутин», «Царевич» и «Баль де Моску», тем зарабатывая на свой «кусочек хлеба», который оказался даже крупнее зарплаты среднего француза.

И никаких комплексов у Жана по этому поводу не было, хотя позже в СССР некоторые с усмешкой говорили, что Жан стал «кабацкой звездой», и спит под парижскими мостами.

А из истории известно, что в таких кабаре, в ночных клубах, по-советски «кабаках», не гнушались петь и Фрэнк Синатра, и Элла Фитцджеральд и Луи Армстронг.

Так что культурного шока у Жана не было. Была лишь проблема с языком. Но изучение французского шло успешно.

И опять помощь в его освоении оказал давний друг Жак Дувальян, который знал язык прекрасно, даже лучше, чем многие французы.

Он настойчиво занимался с Жаном, и научил того языку до такой степени, что тот стал даже... плакать по-французски!

Учитель был весьма доволен своим очень способным учеником, который не остановился только на французском языке. Оказалось, что Жан Татлян имел аналитический подход к изучению иностранных языков вообще.

Жан любил их, быстро вникал в корень слова, пытался понять, как произошло оно, сравнивая с другими языками.

Вскоре он уже также хорошо понимал и по-итальянски, имеющим сходство с французским языком. Жан начал петь и по-французски и на знакомом с детства турецком, а потом и английском языках.

На всех на них он со временем стал и свободно говорить, желая освоить ещё с десяток языков, считая свой дар полиглота великим счастьем для себя.

А потом пошла цепная реакция.

Жану оставалось только работать, работать и работать.

И не халтурить под «фанеру», как это делается сейчас в России, а выкладываться всем сердцем, всей душой.

В первый год своей жизни в Париже Жан съездил в Италию, хотя необходимости ехать туда у него не было вовсе.

Ему хотелось лишь чисто психологически убедиться, что он стал, наконец, действительно свободным человеком.

Через несколько месяцев после приезда, Жан Татлян купил в Париже в кредит квартиру, которая была даже намного лучше его Ленинградской, куда система кредитования покупки жилья пришла лишь много лет спустя.

А здесь при получении кредита за него поручились друзья его друзей.

Жан полюбил своё новое, отделанное, естественно, по евростандарту, жилище, вызывавшее у него приятные ощущения надёжности.

В Париже ему больше всего понравились очень колоритные места, хорошо передающие дух Парижа – Латинский квартал и Монмартр.

Он ещё больше полюбил Францию, которую любил всегда, и её язык.

Жан нашёл не только работу, но и быстро подружился с интересными людьми. Но самым его большим и давним другом всегда оставался, конечно, Жак Дувальян.

Живя в Париже, Жан поддерживал отношения и с армянской диаспорой, насчитывавшей во Франции до 600 тысяч человек, и имевшей свои школы и церкви.

А самым ярким её представителем в Париже, конечно, был Шарль Азнавур. В своё время он повлиял, как автор и исполнитель, на всё творчество Жана Татляна, который преклонялся перед своим учителем, и всегда с удовольствием слушал его песни.

А в Париже их познакомил, естественно, всё тот же Жак Дувален.

В Ленинграде Жана Татляна называли нашим Азнавуром. Но в Париже был свой Шарль Азнавур, который, руководствуясь своим принципом, никогда не протягивал руку помощи молодым певцам.

Но, несмотря на то, что у Жана Татляна был прямо противоположный подход к молодым дарованиям, со временем у них с Шарлем Азнавуром сложились весьма дружеские отношения, основанные на общности нации, взаимной симпатии и теплоте.

Но никакого панибратства в их отношениях не было.

На Западе вообще такие связи не имеют большого значения. Там более трезво смотрят на вещи. А отношение к человеку определяется уровнем его профессионализма. Такой подход к людям помогает каждому оставаться на своём, истинном месте.

Жан Татлян, например, тогда так высказался репортёрам о своём знакомом, всемирно известном, знаменитом французском певце Жаке Бреле:

– *«Это очень талантливый человек! Одна его песня «Если ты уйдёшь», известная, как гимн любви, облетела весь Мир! Её вполне можно включить в десятку самых лучших песен столетия!».*

Газетчики не оставляли, уважающего прессу, Жана в покое и спрашивали его не только об этом.

Они интересовались мнением Татляна о Советском Союзе, упрекая его в том, что именно будучи бешено популярным там, он всё-таки покинул страну.

На что тот пояснял:

– *«Да! Но мне надоело ловчить, пригибаться как все, в попытке развить свой талант, сохранить свою индивидуальность, остаться личностью! Я захотел быть свободным от толпы и дышать не по указке сверху!».*

Тем временем его бывший легендарный оркестр стал рассыпаться.

Ещё в 1970 году перешёл в ВИА «Поющие гитары» Григорий Клеймиц.

А в 1974 году из симфонджаза ушёл его бывший аранжировщик и музыкант Вилли Токарев, создав в Мурманске новый квартет, и взяв с собой пианиста, гитариста и барабанщика. Сам же он играл на бас-гитаре и пел, позже уехав ещё дальше, эмигрировав в Америку.

А пока работа и творчество приносили Жану радость и удовлетворение.

За границей его творческая судьба также сложилась весьма успешно.

Он, наконец, почувствовал себя самым настоящим свободным шансонье, коим всегда себя считал с самого начала творческого пути. Только вот он теперь не знал чьим: армянским, русским или французским. Шансонный стиль всегда был близок его душе. Его песни были маленьким спектаклем, со своим сценарием, сюжетом, действующими лицами, но с одним исполнителем.

Постепенно у Жана Татляна появилась и своя верная публика, специально приходившая, чтобы его послушать. Иногда в зале слышалась и русская речь, напоминавшая Жану о своих, теперь уже далёких, соотечественниках.

В 1976 году, правда, произошло одно мелкое событие, слегка омрачившее память Жана Татляна о Советском народе.

Отец Жана, Арутюн Татлян, никогда не пил. Да и сам Жан тоже вырос практически непьющим. Более того, он всегда брезгливо относился к этой необоснованной и никчемной слабости якобы сильной половины человечества.

Да и Платон никогда и нигде не видел пьяных армян. По его твёрдому, давно сложившемуся мнению, пьяный армянин – это нонсенс!

Поэтому, когда в кабаре к Жану Татляну вдруг буквально завалились, чуть ли не свалившись на пол, двое бывших соотечественников, представителей, якобы, богемы, Владимир Высоцкий и Михаил Шемякин, тот поначалу просто опешил.

Оказывается, те, сдав свои чемоданы в камеру хранения железнодорожного вокзала, решили ещё выпить на дорожку, специально приехав к любимому и уважаемому ими певцу.

– *«Я гулять хочу!»* – нечленораздельно промямлил Высоцкий на входе.

И удерживать его в этот момент Шемякину уже было бесполезно.

Жан давно не видел перепивших людей. А это могло бы напомнить почти любому советскому человеку знакомые с детства подворотни.

И Жана покорило от вида пришельцев. Что-то давно забытое, больше слышимое, чем им видимое, вдруг всплыло в его памяти зарубкой на сердце: Советский народ!

А точнее, его яркие представители – творческая интеллигенция, богема СССР?!

Ведь у нас, у русских, как бывает? Живут люди поблизости, может даже рядом работают, учатся, отдыхают, а друг друга будто бы и в упор не видят.

Но стоит только им отъехать, оказаться вдали от Родины, то даже до этих пор совершенно незнакомые люди, разбавив встречу крепким спиртным и сдобрив разговор отборным матом, сразу набиваются друг другу в друзья, становятся запанибрата. А Жан был нетерпим к амишонству. И сердце его вновь защемило давно сидящей в нём занозой досады на прошлое.

Нет! Здесь этого не должно быть, никогда! – решил он, вежливо, но прохладно и весьма настойчиво, указывая непрошеным гостям на дверь:

– *«Давайте, ребята, потихоньку, а то мне полицию придётся вызывать!»*.

И те, к счастью, хоть и с трудом, но ретировались, зайдя продолжить в какой-то бар.

Но в том же, 1976-ом, году произошло и очень памятное событие в жизни Жана Татляна.

Его, ещё не имевшего гражданства Франции, пригласили представлять её на Международном фестивале песни в Вашингтоне, по случаю 200-летия США.

Жан был одним из немногих эстрадных певцов из суперзвёзд, выступавших в одном, собравшем 8 тысяч зрителей, концерте с Мстиславом Ростроповичем, Нью-Орлеанским симфоническим оркестром, и другими выдающимися музыкантами.

Ему это было конечно приятно, хотя и непривычно.

Тем более что после концерта тогдашний президент США Джеральд Форд устроил для артистов приём, пожал руку каждому исполнителю, провозглашая тосты за них.

Трудно себе даже представить, чтобы в то время в нашей стране руководители партии и государства после правительственного концерта в Кремле пришли бы за кулисы Дворца съездов и поблагодарили бы артистов.

Отношение к артистам, да и не только к ним, у руководителей нашей страны было в те годы, как у бар к крепостным. И это многих из них обижало и оскорбляло, в том числе и толкая к отъезду из страны.

По поводу своего отношения к этому Жан Татлян тогда же и высказался:

– *«Я знал многих людей, готовых покинуть Советский Союз и заниматься на Западе подметанием улиц и уборкой туалетов. Я же продолжал заниматься делом всей моей жизни – пел! На Западе жили и творили мои кумиры: Нат Кинг Кол, Фрэнк Синатра, Элла Фицджеральд, Луи Армстронг. И они тоже работали в «кабаках», то есть в престижных ресторанах, кабаре и ночных клубах»*.

Выступление Жана в Вашингтоне не осталось незамеченным.

Его вскоре пригласят на гастроли по США и сделают ещё более заманчивое предложение.

Жан гастролирует уже по многим странам, получив мировую известность. Его творческая судьба складывается довольно удачно.

Постепенно Жан овладел и шестым языком, добавив к армянскому, турецкому, греческому и русскому, помимо французского языка, ещё и английский, теперь уже свободно владея и им.

В хорошей форме и полный энергии, Жан объезжает с гастрольями почти весь Мир. Его пение ценят не только Шарль Азнавур, но и Том Джонс, Мстислав Ростропович и другие, известные в Море музыканты, отдавая дань его голосу, музыке и песням.

Становится весьма прочным и финансовое положение Жана.

Через семь лет после приезда в Париж он приобретает собственный ресторан и открывает в нём кабаре с интересной музыкальной программой, назвав его «Две гитары», в честь известного романса на стихи Аполлона Григорьева.

Этот ресторан Жану продали русские эмигранты, супруги Лопато, владевшие им почти двадцать лет. Раньше он назывался «Русский павильон», и считался самым камерным и прелестным заведением в Париже.

А делами в нём заправляла, просто царствовала, Людмила Лопато – как её называла пресса, самая русская из всех парижанок, и самая очаровательная парижанка из всех русских.

Жан начал заниматься бизнесом на старом месте, хотя это было и тяжело. Ресторан размещался в центре Парижа у Триумфальной арки. Кухня в нём была старорусская. Жан и сам не гнушался никакой работой, и первое время преуспевал.

Именно в своём ресторане он убедился, что французы пьют вина существенно больше русских, полностью отвергая известное заблуждение по поводу, якобы, и в этом лидерства России.

В его ресторане «Две гитары» бывали в гостях и его друзья. Среди них были и известная всему миру «Анжелика» Мишель Мерсье и иранская шахиня Фара Дибя.

А среди почитателей его таланта были не только женщины, но и мужчины. Кроме уже перечисленных Жана обожали Лайза Минелли и Пласидо Доминго, Мишель Морган и Жерар Ури, Рэй Болджер, Ширли Маклейн, Кони Френсис, Даби Рональд, Бэк Ремм, Эйби Лэйн, Роберт Гуле, и многие другие всемирно известные артисты, певцы и музыканты.

А очень влюбчивый Жан неизменно производил на женщин неизгладимое впечатление, как истинный француз, красиво ухаживая за ними, целуя им руки, и говоря по этому поводу:

– «Да! Мы целуем женщинам руки! Потому, что женщина – как птица! Мужчина должен держать ее в руках: не сильно, чтобы не удушить, но и не слабо, чтобы она не улетела! Мужчина всегда мужчина! И неважно, француз он, армянин или русский!».

В ресторан «Две гитары» Жан вложил и свои средства, и привлёк партнеров.

Конечно, с прагматической точки зрения было бы выгодней открыть несколько бутербродных, поскольку его ресторан никаких особых доходов не приносил.

Заработанные ранее немалые денежные средства позволили Жану, ещё в начале семидесятых годов, в центре Нью-Йорка, на Манхэттене, открыть другой ресторан, назвав его в честь своего любимого города Ленинграда, «Санкт-Петербург». И он был в чём-то похож на французские кабаре.

И хотя в этом огромном городе было более 30 тысяч подобных заведений, ресторан Жана Татляна входил в первую десятку самых фешенебельных. Но и в это время Жан не только неплохо зарабатывал на жизнь, но и параллельно занимался творчеством.

Да и бизнесмен из него получился не самый плохой. На деловом поприще у Жана были и падения, и взлёты. Он особо не разбогател, но и не разорился. Как только Жан понял, что пришло время остановиться, он без всякого сожаления закрыл свой ресторан «Две гитары», но не стал возвращаться в кабаре. С ресторанным бизнесом Жан заканчивает вообще и начинает гастролировать практически по всему Миру. И песни Жана Татляна от сердца к сердцу понимают и принимают слушатели всех стран.

Жан работает с французскими, английскими и американскими поэтами.

Появляются новые песни, в том числе даже целые диски на французском и английском языках, например, баллада «Сколько дорог» на французском языке, которую Жан в то время считал лучшей в своём репертуаре.

Причём музыку Жан всегда писал сам, а слова – с партнёрами. И не потому, что писал их на чужих языках, а для того чтобы соавторы отшлифовали его тексты для создания более точного песенного образа.

Теперь Жан мог легко выйти не только на российскую сцену, но и на французскую, английскую, американскую или канадскую.

Причём Жан работал исключительно самостоятельно, отказавшись и от персональных менеджеров, и от контрактов с музыкальными агентствами и с компаниями, производящими пластинки. Ему это было удобно тем, что он сам планировал свою жизнь, как ему хотелось, сам вёл переговоры об организации концертов, сам договаривался о своих записях.

С гастроями Жан Татлян побывал почти на всех континентах. Его слушатели были везде. Пел для самой разнообразной публики. Во многих странах он дал немало концертов и для выходцев из СССР, разбросанных по всей планете. Они ведь знали прежнего Жана Татляна, и эти встречи с прошлым были очень трогательны.

Вскоре Жана Татляна вновь пригласили в США. Там с ним заключили пятилетний контракт, по условиям которого Жан, первым из советских и российских певцов, должен был в течение пяти лет, а в году по 150 вечеров подряд, петь в одном из лучших казино Лас-Вегаса «Империял Палас».

Именно там Жан знакомится с легендарными певцами, потрясающими королями сцены, Фрэнком Синатрой, Томом Джонсом, который тоже пел в кабаре неподалёку, а также с Шер, оказавшимися в общении простыми, милыми людьми.

Жан даже подружился с ними, по выходным заходя в гости.

И слушали его тогда именно американцы, а не эмигранты. Тогда наших соотечественников в Америке было немного, и не каждый мог позволить себе купить билет в казино за 100-200 долларов.

И, как всегда, Жан, что повсеместно принято на Западе, пел вживую, без фонограммы, или без записи аккомпанемента, то есть без «минусовок». Их использование там кое-где даже преследуется законом.

А профсоюз музыкантов защищает интересы своих членов, борясь с «минусовками». Поэтому на всех концертах Жана Татляна в Лас-Вегасе музыканты играли каждый вечер и получали за это деньги.

Но от пятилетнего контракта Жану пришлось всё же отказаться. Сухой, жаркий, пустынный Невадский климат Лас-Вегаса оказался губительным для голоса любого певца.

И хотя Жан жил в шикарном номере в 200 квадратных метров с огромным бассейном, где в каждой комнате он попросил поставить по два кондиционера, но он не выдержал перепадов температур.

Пока Жан находился в кондиционированном помещении, всё было нормально. Но стоило ему выйти из отеля на улицу, как тут же он начинал задыхаться. Угроза потерять голос, начавшиеся проблемы со здоровьем, стали страшнее потери денег, которые в США Жан зарабатывал немало.

Поэтому его выступления в Лас-Вегасе ограничились всего менее чем четырьмя месяцами.

И в том же 1982 году Жан переключается на гастроль по США.

Но тогда, из-за ввода советских войск в Афганистан, там были сильны антисоветские и антирусские настроения.

Некоторые ретивые американцы даже разбивали бутылки с нашей водкой и поджигали её. И в такой обстановке Жану, которому угрожали персонально, всё-таки пришлось выступать. Даже эмигрировавшего из СССР его всё равно считали советским, русским, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Даже в Лас-Вегасе на казино «Империял Палас» было написано: «Жан Татлян. Железный занавес приподнялся над звездой».

Но триумф в Неваде не спасал певца от угроз и позднее.

Организаторы концертов получали анонимные звонки: «Мы убьём вашу кремлёвскую звезду!». Поэтому во время гастролей к нему был приставлен шериф, охранявший его по дороге от номера в зал и за кулисами.

Однако искусство всё же победило политику – залы были полны, а зрители были в восторге.

Тогда, в 1982 году, импресарио Жана Татляна в Лас-Вегасе была Стефани Нильсен. Спустя шестнадцать лет она же принимала участие в организации гастролей Филиппа Киркорова. Тогда она разочаровала гостя, думавшего, что он будет первым из россиян петь в «Империял Палас», сообщив тому, что ещё шестнадцать лет назад здесь пел Жан Татлян, и не два-три

дня, а шесть вечеров из семи более трёх месяцев подряд, и не эмигрантам, а американской публике.

Именно тогда, когда Жан Татлян ещё выступал на сцене Лас-Вегаса, его сначала прозвали сердцеедом, а затем и «Российским Фрэнком Синатрой».

Но в отличие от кумира американцев, бравшего всего полторы октавы, наш кумир брал значительно больше.

Узнав позже о поездке Киркорова в Лас-Вегас, Жан Татлян тепло отозвался о Филиппе вообще, о его голосе и великолепном внешнем виде, о его шоу, уходящих корнями в советскую эстраду, когда пели Муслим Магомаев, Валерий Ободзинский, Бедрос Киркоров и он сам.

Но из Америки Жан всё же возвращается домой, в Париж.

В 1985 году в Сухуми умирает его мама, но сильно переживавший Жан не может приехать на её похороны, так как иначе ему пришлось бы брать билет только в один конец. Это печальное событие вызывает просто шквал ностальгии, тоску по земле, хоть и как-то неуклюже, но всё же приютившей их семью, ставшей последним пристанищем для его ушедших родителей.

Перестройка в нашей стране и происходящие в ней существенные демократические перемены подталкивают Жана к мысли о посещении меняющегося Советского Союза. К тому же это ещё и подкреплялось повторяющимися приглашениями домой.

И, спустя более чем семнадцать лет, ранней осенью 1989 года, французский гражданин Жан Татлян, впервые после долгого отсутствия, приезжает в СССР на, первые после своего отъезда из страны, гастроли.

Когда Жан прилетел поздним вечером в Ленинград, то одолеваемый ностальгией, в первую ночь он вообще не мог уснуть, бродил по любимым местам города: по Невскому проспекту, по набережным Мойки, Фонтанки и канала Грибоедова, по дворикам и мостам. В Ленинграде он также любил Михайловский парк и Зимний сад. Для него каждый уголок, каждая арка этих мест были давно знакомы.

При этом на него неожиданно нахлынули весьма противоречивые чувства: добро и зло, дружба и предательство, любовь и разлука.

За несколько часов он пережил годы своей прежней жизни. Такое не забывается никогда, как и отъезд.

Жан даже прогулялся до своего бывшего дома, посмотрел подъезд. Но особых потрясений это у него не вызвало. Ибо он считал, что нельзя жить вчерашним днём, а надо ориентироваться на сегодняшний и завтрашний день, и тогда у него всё будет в порядке.

Через день Жан уже встречается со своими прежними друзьями-музыкантами, и они решают восстановить его старые, но не устаревшие, искренние песни.

Получив официальные приглашения, Жан Татлян готовится к гастролям по стране. И начинать их решает со столицы.

И надо же?! 19 сентября, в свой медовый месяц, прогуливаясь с Ксенией по Калининскому проспекту в сторону Садового кольца, волею случая, или божьего провидения, Платон как раз рассказывал ей о Жане Татляне.

Вдруг жена удивлённо перебила его:

– *«Смотри! Вот же его афиша!».*

– *«Как?! Откуда? Во, дела!».*

От неожиданной радости Платон чуть не прослезился.

Справа от них на высоком заборе, огораживавшем стройплощадку, висело широкое, длинное полотнище с огромными буквами во всю длину: «ЖАН ТАТЛЯН», а далее с информацией об установочном концерте в «Измайловском киноконцертном комплексе».

Вечером он, возбуждённый от радостной вести, предвкушая предстоящую встречу с давним кумиром, сразу же написал четверостишие:

*Татлян гитару в руки взял,
И нежно перебрал струну.
И голос дивный зазвучал.
И жадно зал внимал ему.*

На следующий день Платон, конечно, рванул за билетами. Вскоре состоялся и долгожданный концерт. Но зрителей пришло немного.

Наверно мало кто об этом знал, или билетов было немного?! – успокаивал себя предвзятый зритель.

В программке Ленконцерта под названием «Песня вчера, сегодня, завтра» и отпечатанной в Ленинграде 28 сентября 1989 года тиражом в 20 тысяч экземпляров, вместе с фотографией красавца Жана в шикарном зимнем одеянии, перечислялись исполненные им на концерте песни.

Среди них были и ранние советские, и написанные уже за границей, и русские, греческие и цыганские народные песни.

В концерте принял участие оркестр под управлением Игоря Петренко.

Когда-то он руководил киевским джазовым оркестром «Днипро».

В 60-ые годы, по примеру Армении, стало модным иметь в каждой советской республике свой джазовый оркестр. Теперь же Игорь Петренко стал жить и работать в Ленинграде. Его коллектив по тем временам был довольно редким, так как исполнял музыку живьём, без фонограмм.

И Жан был очень благодарен своим коллегам-музыкантам. Он убедился, что его искренние песни помнят и любят, что они не устарели.

И после такого длительного перерыва советская публика очень тепло встретила Жана.

Возвратившись в Россию после эмиграции, Жан Татлян подарил своим слушателям надежду, радость и любовь.

Платона, прежде всего, поразила сила голоса Жана. Он никогда ранее его не слышал живую. А в красоте его голоса он убеждался многократно.

Ксения тоже была приятно поражена силой и красотой его голоса.

Дома Платон не удержался от очередного четверостишия в адрес Жана:

*Такое у меня к Вам дело.
Я долг хочу отдать Вам смело.
Стихами душу напоить,
И сим подарком одарить.*

В Москве Жан Татлян даёт ещё несколько концертов в «Лужниках».

На них зрители плакали от радости встречи с великим маэстро, который тоже не скрывал слёз радости от общения с ними.

Некоторые женщины приносили на концерты Жана Татляна, с любовью сохранённые ими его старые пластинки фирмы «Мелодия», предлагая, в случае необходимости, их певцу.

Тогда Жану устроили достойный приём, который он долго вспоминал:

– *«Это феномен, чудо какое-то! Мне устроили такой горячий прием, что после него хотелось жить долго-долго, чтобы отблагодарить этих людей. Кстати, знаменитый пара-психолог Вольф Мессинг в свое время предсказал мне долголетие. Я даже уцелел в страшной авткатастрофе во Франции в середине 70-х. Так что буду петь, пока меня хотят слушать!».*

В конце того же 1989 года Жан даёт пять концертов в Ленинграде.

И во время своих выступлений он видел, что многие в зале не могли сдержать слёз. И он сам с трудом сдерживался. И это для певца было очень трогательно и приятно.

После одного из них он так объяснял журналистам свой отъезд и возвращение обратно:

– *«Нас были сотни – певцы, художники, музыканты, которых вытолкнула административно-бюрократическая система. Но тем самым мы попытались сдвинуть этот айсберг. Я думаю, и мы вправе считать себя зачинателями перестройки! Мы вернувшиеся динозавры!».*

Затем Жан Татлян отправляется с большим концертным турне по городам Советского Союза: Свердловск, Омск, Челябинск и другим. И везде неизменный успех. И опять запоминающаяся внешность, проникновенный голос, сценическая непринуждённость, красивые песни, неординарная судьба создали легенду, имя которой Жан Татлян. Певец и композитор, исполняющий песни на шести языках, объездил весь мир и, благодаря прирождённому таланту, работоспособности, очарованию, энергии и восхитительному голосу, сумел занять на мировой музыкальной арене своё, особое место.

Оказывается, Жана Татляна помнили и любили до сих пор. Даже в прессе в то время был довольно значительный резонанс на его возвращение, хотя большинство журналистов ещё не родились во время его бешеной популярности.

Во время гастролей по России этот талантливый певец и композитор, с непростой творческой судьбой, успел поучаствовать во многих передачах центрального телевидения, дал множество интервью, доставив удовольствие и корреспондентам и телезрителям с радиослушателями.

В Челябинске Жану пришла идея новой песни. На вопрос корреспондента, о чём она, тот ответил:

– *«Трудно пока сказать. Сейчас есть только музыкальная идея. Я всегда так строю свою работу. Сначала важен только музыкальный образ. Музыка ведь всего семь нот, а комбинаций, как на шахматной доске. И текстов может быть множество, потом подбираю».*

Программа, с которой Жан Татлян гастролировал по Советскому Союзу, называлась «Мосты любви».

Одна из его лучших песен так и называлась: «Мост любви». Эту очень трогательную песню Жан пел на французском, английском и русском языках.

В ней говорилось о необходимости построить мост любви – первый и единственный мост, который ещё никто не строил, и раскрасить его всеми цветами радуги.

Это будет мост, через который самые страшные враги смогут пройти бок обок, обнимаясь и целуясь. И нельзя стоять на разных концах этого моста, надо пройти хотя бы полдороги, чтобы встретиться на середине. Это мост, через который каждый из нас может свободно пройти в ту, и другую сторону.

Это мост, связывающий людей разных национальностей, вероисповеданий и экономических систем.

Такой её сюжет, по мнению Жана, это актуальная, вечная тема: она была, есть и всегда будет.

Меняются государства, распадаются диктатуры и режимы, но призыв к дружбе, к любви всегда будет необходим.

Жан пел эту песню и видел, как восторженно блестят глаза зрителей.

Позже, с этим «Мостом любви» в городе на Неве произошёл настоящий казус.

В начале девяностых годов неизвестный художник граффити на брандмауэре одного из домов на Моховой улице сделал знаменитую историческую надпись: «ЖАН ТАТЛЯН – „Мост любви“».

Долгое время она являлась основной высотной доминантой архитектурно-пространственного решения перекрёстка улиц Белинского и Моховой. И все эти годы горожане гордились ею, как и землячеством с ними Жана Татляна.

Но, в результате возведения в конце девяностых годов жилого здания по адресу Моховая улица, дом № 47/2, эта надпись была загорожена и фактически потеряна для потомков.

По этому поводу в городе неожиданно разгорелся настоящий скандал.

Патриоты города и поклонники маэстро подняли свои голоса в защиту уникальной надписи – гордости Санкт-Петербурга.

И их протест возымел действие.

Была собрана экспертная комиссия, в результате работы которой, единогласно был вынесен вердикт: «Новое здание необходимо разобрать или хотя бы понизить его этажность, чтобы оно не препятствовало свободному обзору надписи со стороны улицы Белинского».

После этого Губернатор Валентина Матвиенко попросила градостроительный совет собраться на внеочередное заседание и выработать рекомендации по исправлению вопиющей градостроительной ошибки.

А шутники-специалисты посчитали, что во избежание повторения подобных ошибок, для данной зоны исторической застройки необходимо установить особый высотный регламент, не позволяющий строить здания выше нижней границы надписи «ЖАН ТАТЛЯН – „Мост любви“».

Ну, а пока, после длительных гастролей по Советскому Союзу, в 1990 году Жан Татлян снова возвращается в Ленинграде, и в Большом Концертном зале даёт подряд семь аншлаговых концертов, после чего на время опять уезжает в Версаль.

Потом он приезжает снова, на месяц, затем на несколько месяцев, постепенно привыкая к стране, разъезжая по ней с гастролями.

Он так комментировал свои извечные поездки по всему Миру, по белу свету:

– *«Я возвращаюсь на российскую сцену так же, как могу вернуться и на американскую, французскую или канадскую. Ещё во времена перестройки я ежегодно давал концерты в России – в питерском зале «Октябрьский», в столичном киноконцертном зале «Россия», в Киеве. У меня были концерты в Сибири, на Урале, в Крыму и Петрозаводске. У меня бывают какие-*

то перерывы, когда хочется сочинять только новые песни, а бывают периоды, заполненные только концертной деятельностью».

Жан вообще не заикливался на работе. Хотя он и считал, что денег никогда не бывает много, но знал, что нельзя делать их смыслом жизни.

Он никогда не сидел без работы, писал музыку и песни, считая, что даже если когда что-то не идёт, то уж лучше впустую работать, чем впустую бездельничать.

И в этом они были похожи тоже с очень деятельным Платоном.

Однако, в отличие от голубя Платона Кочета, Жан Татлян был жаворонком.

Тоже, как и Платон, работая практически круглосуточно, он, в отличие от него, особенно любил самое раннее утро, когда весь мир ещё спит. А он уже встал и, как бы, охраняет его покой и утренний сон. Именно в это время суток работа для Жана была наиболее приятна и, естественно, плодотворна.

У Платона такое бывало лишь только летом на даче, по выходным.

А через год Жан Татлян покупает в своём любимом городе, но уже в Санкт-Петербурге, постоянное жильё.

Начинается новая жизнь, и начинаются новые деловые контакты.

В 1991 году Жан был несказанно удивлён и оскорблён, когда за прокрутку его клипа на телевидении у него попросили 5000 долларов. На Западе ведь всё было наоборот, телевидение платило исполнителю.

После этого он, конечно, не ждал денег от ТВ, но и сам не собирался их туда отдавать.

Аналогичная ситуация произошла и позже, в середине 90-ых годов, когда Жана неприятно поразили встречи уже на Московском телевидении и в фирме «Мелодия», когда с него начали требовать деньги за право показаться в эфире и выпустить диски. Для Татляна, давно привыкшего к цивилизованному бизнесу, это было шоком.

И он, как благородный человек, подчёркнуто высокомерно не согласился с начальством от культуры, не стеснясь, вымогавшим взятки за то, что оно было просто обязано делать. Жан этого не терпел в корне.

А Жану Татляну сильные мира сего опять не прощают неуважения к ним и пренебрежения ими.

А он по-прежнему собирает полные залы. И это при том, что многие нынешние звёзды это делают лишь с трудом, считая за счастье спеть даже при неполном зале.

Ещё в начале 90-ых годов Жану, вместе со своими друзьями удалось проехать по местам своих первых концертных выступлений: от Сочи до Сухуми через Гагры, Гудауту и Афон.

Тогда в сентябре Жан побывал и на могиле своей матери, отдавая дань её памяти. И в этот самый момент, в яркий, солнечный Абхазский день, неожиданно начался ливень.

Тогда Жан, стоя в ногах у могилы матери, понял, что его покаяние принято свыше.

С чувством выполненного сыновнего долга он возвращается в Санкт-Петербург, а затем снова летит в Париж.

Вскоре Жан Татлян прощается со своим давним и старым другом Жаком Дуваляном, объявив ему, что хочет вернуться в обновлённую Россию.

Они всю жизнь были очень дружны, хотя разница между ними составляла двадцать три года. Жак уже давно был на пенсии, но сохранял бодрость и форму, играя в теннис.

Жан смотрел на него и думал, как это важно – всегда быть в хорошем расположении духа, не хандрить, не обращать внимания на мелочи жизни, до старости оставаться большим ребёнком! А то многие друзья стали такими важными, солидными, всегда брюзжат, всегда чем-то недовольны, нет, чтобы жить с лёгким сердцем!

И именно с таким лёгким сердцем Жан принимает очередное важное решение в своей жизни.

К счастью, нынче ситуация изменилась.

Всё пошло к тому, чтобы преодолеть отчуждения между странами и народами, чтобы люди стали более открытыми.

И в 2000 году происходит второе, и окончательное возвращение Жана Татляна домой в Россию.

Тоска по родным и близким вновь толкает певца на принятие такого решения. Прошла целая эпоха, прежде чем кумир своего поколения вернулся в город на Неве, чтобы встретиться с теми, в чьих сердцах никогда не гасли его «Фонари».

Когда Жан вернулся в Санкт-Петербург, некоторые знакомые осуждали его за это, как в своё время многие осуждали и за отъезд за границу.

Но ещё большее количество людей поняли и простили своего кумира.

Новая Россия нравится Жану всё больше.

Ему возвращают гражданство, и он становится гражданином двух великих стран: Франции и России. Кстати, Жану предлагали на выбор и Москву и Киев, то он выбрал северный Париж, город фонарей и туманов, в котором есть и размах, и простор, и Нева, и широкие проспекты.

И теперь с семьёй Жан постоянно живёт в Санкт-Петербурге. Как ни странно он, уроженец юга, давно обожает пасмурную погоду, туман, дождь, снег, любит северные страны, и даже в этом являясь истинным гражданином Мира.

На окраине Санкт-Петербурга Жан купил уютную квартиру, которую сам же и отделал. Светлый потолок, серо-голубые обои и светлое, натуральное дерево пола и дверей позволяли в этой квартире «отдыхать глазу». Кроме спальни и гостиной Жану ещё нужна была и лишняя – «музыкальная комната», где можно было бы разместить музыкальные инструменты и аппаратуру. Поэтому квартира была трёхкомнатная.

Теперь у него во Всеволожском районе в одну объединены две большие квартиры на одной лестничной площадке.

Но Жан всегда предпочитал жить за городом. Он не любил центр города из-за выхлопных газов, вибрации от метро, грохота трамваев и обилия электрических проводов.

Поэтому он в городе жил мало, предпочитая дачу в Волховском районе – дом в деревне на берегу реки Ладоги, который тоже сам строил и отделывал.

Его вдохновляло созерцание природы: просторов, зелени, деревьев. И это вдохновение он воплощал в различные идеи на даче.

Из подручных материалов: недорогих металлических труб и стеклянных фонарей, Жан установил на участке четыре уникальных фонаря собственного изготовления. Сам построил двухметровый забор. Затем, по старой памяти, самостоятельно покрасил его финской краской в редкий цвет – сочетание зелёного и голубого.

А для оформления территории Жан использовал множество различных камней. Их он собирал повсюду: на дамбе, на Ладейном Поле, в Подпорожье, откуда привёз даже гладкие валуны розового цвета. Некоторые были под полторы сотни килограммов. Поэтому их пришлось вдвоём поднимать и вкатывать и выкатывать из машины. Кое-что удалось собрать и в своей деревне, забрав выброшенные камни у соседей.

Мелкие же камни Жан выложил вокруг деревьев и сделал из них дорожки, спускающиеся, в греческом стиле, ярусами прямо к воде.

На берегу Жан построил почти тридцатиметровые, идеально ровные, мостки, позволявшие из бани прыгать сразу в воду.

Жан всегда очень любил воду, так как она снимала у него эмоциональное напряжение, отгоняла печальные мысли, учила быть мудрее. Он любил долго плавать, да и просто смотреть на воду.

И теперь Жан жил, как говорят французы, «свежим воздухом и любовью». И это было сказано, как раз о нём, так как он жил любовью к женщине, к музыке, и к животным.

Около десяти лет назад он, наконец, встретил своё счастье. Но, так как Бог не дал семье Жана детей, то он жил с любимой женой не только, как с любовницей, но и как с сестрой, подругой и даже ребёнком. Он долго и упорно выбирал её, сделав на этом пути много ошибок, и до сих пор был счастлив, как молодожён. Жан даже называл её как-то по-особенному красиво: «чудом и дочерью моей тёщи». Он каждый год жизни с нею считал за пять, так как долго её не видел, и теперь пытался наверстать упущенные года, прожитые без любимой.

Жан всегда дорожил своей семьёй. Она была для него святой. Он даже боялся сглаза, поэтому не любил говорить на эту тему. Да и праздники, и семейные торжества Жан отмечал обычно в узком семейном кругу и с самыми близкими друзьями, только теперь лишь в новом доме.

По этому поводу он шутил:

– *«Я всегда говорю: лучше иметь непростительно мало друзей, чем непростительно много».*

Да, жизнь разбросала прежних друзей Жана в разные стороны. Из своих сокурсников по киевскому училищу эстрадно-циркового искусства он поддерживал отношения только с Кларой Новиковой. Жан даже побывал на записи её телепрограммы «Чего хочет женщина».

Но теперь Жану очень нравилось жить в этом новом доме своей мечты – по признанию его друзей – красивом и оригинальном. И сам Жан считал, что главное в этом создании не деньги, а фантазия, хорошая идея и труд.

Это касалось не только дома и участка, но и вещей, собственноручно сделанных маэстро Жаном Арутюновичем Татляном. Ведь вещи, сделанными своими руками, по своим идеям и на свой вкус, всегда более ценны для любого мастера.

Жан, как и Платон, не только любил копаться в огороде, но и что-то вырезать из дерева, например орнамент, или рамки для картин и фотографий.

Но он по натуре не был Плюшкиным, забивающим хламом чердаки и подвалы своего дома, в этом несколько отличаясь от Платона.

Он легко расставался с ненужными вещами, выбрасывая или раздавая их. Жан легко расставался и с деньгами, хотя хорошо знал, как они достаются. По натуре он больше походил на бродягу, везде, где он жил, создававшего свой микромир.

И Жан Татлян создал свой микромир в Санкт-Петербурге, превратив его для своих слушателей в макромир счастья и доброты. Щедрый ко всем, он получал просто кайф от дарения дорогих подарков подругам и друзьям.

Как-то он пожелал и своим слушателям:

– *«Любите жизнь, любите друг друга, любите свою малую родину, радуйтесь каждому утру, когда Вы просыпаетесь, и всё будет великолепно! Не делайте зла и творите только добро!».*

14 апреля 2000 года он дал всего один, но аншлаговый концерт в Большом киноконцертном зале «Октябрьский» в Санкт-Петербурге. Во время его выступления зал был переполнен. Билеты шли по двойной – тройной цене. Хотя при выступлении некоторых российских звёзд заполняемость зала, по словам его директора, составляла всего до 80 %. И это было хорошим барометром успеха возвратившегося певца.

На концерт многие поклонники Жана Татляна пришли с детьми и внуками. Тогда билеты были недорогие, поэтому Жана слышали и небогатые люди. Во время исполнения песни «Фонари» в зале зажглись сотни, бесплатно розданных зрителям, фонариков.

И когда Жан пел балладу, посвящённую жертвам землетрясения в Армении, весь четырёхтысячный зал встал, также включив фонарики, которые в темноте зала символизировали свечи.

У многих в глазах блеснули слёзы. Их не стыдились ни мужчины, ни женщины. Да и у самого Жана от чувств в горле комок стоял, мешая исполнить песни до конца.

В этот момент зрители вспоминали и своих ушедших близких. И всё это вместе – океан огней! Было полное ощущение, что находишься в храме.

Жан тогда почувствовал себя, будто бы заново рождённым певцом.

Его желание гастролировать по России и СНГ, выступать и записывать диски, ещё больше укрепились.

Да и звёздной болезни у него никогда не было. И это видно из его многочисленных интервью средствами массовой информации:

– *«Я не звезда и не планета, и звездной болезни у меня никогда не было.*

Я просто певец и композитор, но могу сказать уверенно, что многие выросли на моих песнях, которые когда-то звучали по всей стране. Я часто замечаю слезы в глазах тех, кто приходит на мои концерты. Они меня не забыли, не забыли моих песен, и большое им спасибо за это. На своих концертах я всегда прошу, чтобы в зал дали немного света – хочу видеть свою публику. А на мои концерты приходит публика разных поколений: молодежь 60-70-х, молодежь 80-х и молодежь 90-х. Если в песне есть сюжет, гармония, чувства, она подходит всем, ведь такие же чувства может испытывать каждый и в любом возрасте».

После перестройки, прежде чем окончательно обосноваться в полюбившемся ему Санкт-Петербурге в 2000 году, Жан Татлян несколько раз приезжал в Россию, но в независимую Армению он так ни разу и не приехал, так как его так ни разу не пригласили на гастроли в Ереван.

За эти годы в Ереване выступили десятки артистов-соотечественников Жана, но часто откровенных дилетантов.

А о выдающемся певце пока словно позабыли.

И всё, что ещё связывало с Арменией армянина по происхождению, были одни лишь исторические корни.

Жан не был там с 1970 года. И сейчас это была уже совсем другая страна. Он тогда уезжал со своей Родины, а теперь приехал бы туда иностранцем. Жан Арутюнович всегда считал, что, зная свою историю, язык, культуру, никогда не следует опускаться до примитивного шовинизма. К счастью, природа человека такова, что плохое он, как правило, всё-таки забывает, а старается сохранить в душе только добро, тёплые, хорошие воспоминания.

Так и случилось с Жаном Арутюновичем Татляном. Сегодня прошлые нападки на него для нынешнего поколения кажутся просто смешными, анекдотичными, абсурдными. Но народу и его любимому певцу всё равно этого не забыть, как бы ни хотелось.

Но Жан Татлян, ни о чём не жалел. Даже, если бы ему пришлось начинать жизнь заново, он всё равно прожил бы её также, лишь внеся некоторые коррективы. Как он сам считал, ему не пришлось выходить из реки, тем более входить в неё дважды. Утекла только вода, а река жизни осталась. Он и остался таким же, каким и был, как и его зрители, которые хотят его видеть прежним. Хотя всё и все на Земле меняются.

Жан говорил по этому поводу:

– *«В конце концов, старое вино вкуснее и крепче нового. Со временем к людям приходит опыт, мастерство, хотя у некоторых, может быть, и наоборот».*

Не менялось только романтическое состояние души певца, как и его песен – романтическое, но не грустное. А у Жана, как оптимиста, «стакан воды всегда был наполовину полон», а не пуст.

И источником его вдохновения, конечно же, по-прежнему являлась женщина. А главное в женщине для Жана Татляна по-прежнему оставалась её душа, а не её красота и ум.

По этому поводу, да и вообще, Жан Арутюнович говорил, повторяясь:

– *«Ведь без вдохновения не напишешь того, что желает публика. А женщина – как птица. Мужчина должен держать ее в руках не сильно, чтобы не удушить, но и не слабо, чтобы она не улетела. Это правило одинаково для любого творческого человека. И вообще,*

я бы пожелал всем женщинам любви. Бабье лето – это время Солнца. Женщины начинают порхать. Пусть они больше порхают!».

Жан опять приглашают гастролировать по России. И он с удовольствием соглашается, так как очень любит эту свою работу, коей он всегда считает своё творчество.

В 2001 году он записывает пять компакт-дисков: «Ночной дилижанс», «Осенний свет» и «Русский блюз» по 12 песен, «Зеркало жизни» на 17, и «Мост любви» на 20 песен, добавляя их к своему первому альбому – «Русские песни» (десять песен), записанному во Франции ещё в 1977 году.

К тому же, в 2003 году он собирался открыть свой бизнес по производству некоего грандиозного продукта.

Жан Арутюнович Татлян выступает на фестивале «Славянский базар» в Витебске. А после выступления на телевидении его стали замечать и как-то особенно уважать соседи по дому и деревне. Но на это он, имея давнюю жизненную прививку от звёздной болезни, искренне говорил:

– «Каким я был, таким я и остался! Я всю свою жизнь искал справедливости и любви! Ищу их и до сих пор, хотя энтузиазма и поубавилось! Но я по-прежнему верю и жду!».

Ему всегда было присуще нормальное чувство юмора. В молодости он частенько участвовал в безобидных розыгрышах товарищей над доверчивыми и недисциплинированными коллегами. Жан практически никогда не обижался на людей. Он всегда себя считал, прежде всего, человеком, знающим, например, малярное дело, умеющим водить автомобиль и работать каменщиком, а потом уже, по совместительству – артистом.

Как-то умудрённого опытом Жана Арутюновича попросили сравнить жизнь в новой России с границей, хотя бы сравнить Санкт-Петербург и Париж.

– «Это хоть и далёкие и разные, но, в то же время, близкие друг другу города. В России есть спонтанность, непосредственность и простота общения. А в Париже, как и в других европейских городах, люди более далеки друг от друга, не так быстро сходятся. Правда и у нас сейчас тоже рыночная система. Всё большую роль в нашей жизни играют деньги. В особенности у молодёжи. Деньги – это хорошо. Но это ещё не всё. Это ведь не здоровье, не интеллект, не ум!».

В 2006 году в Государственном Кремлёвском Дворце состоялся большой концерт, посвящённый памяти и 85-летию со дня рождения Арно Арутюновича Бабаджаняна.

Жан Арутюнович Татлян конечно с большим удовольствием принял в нём участие. Но организаторам концерта пришлось долго искать для него обычный микрофон, чтобы он мог спеть вживую, а не, как все, под фонограмму.

После концерта довольный маэстро делился с журналистами:

– «Я как будто снова вернулся в то волшебное время, когда я исполнял все песни Арно Арутюновича! И я это всегда делал с огромной радостью и наслаждением, как и на этом концерте в Кремлёвском Дворце. Я никогда не мог мечтать, уезжая много лет назад из Советского Союза, что вот так – для шеститысячной аудитории снова спою свои любимые песни Арно Бабаджаняна в Кремле!».

После этого, спустя тридцать шесть лет, Жан Арутюнович, наконец, получает долгожданное приглашение в Армению, в Ереван.

Он с удовольствием осматривает уже подзабытый и изменившийся город, с интересом наблюдает жизнь и быт ереванцев.

В столице независимой Армении Жану Арутюновичу понравился памятник Арно Бабаджаняну, отражавший и его внешность, и выражавший состояние его души, и характер, и юмор великого советского и армянского композитора.

Жан Арутюнович дал в Ереване концерт по случаю 8 марта. Там он ощутил буквально извержение вулкана своих чувств: жгучих эмоций, тёплых воспоминания, приятных и горестных переживаний.

И свой сольный концерт он, естественно, заканчивал «Фонарями» и «Лучшим городом Земли» Арно Бабаджаняна.

Затем он проехал по местам своего детства и впервые увидел памятник Майр Айастан (Мать Армения).

Только его теперь неприятно поразила разность бытия бедных и богатых в этой маленькой стране.

В том же 2006 году родной школе Жана Арутюновича в Сухуми исполнилось сто лет. На юбилей школы собрались некоторые выпускники прошлых лет. Вместе с учителями и учениками они возложили цветы в парке Славы.

В этот праздничный день в школе была открыта фотовыставка, а также компьютерный класс, отремонтированный на средства городской армянской общины. А компьютеры школе подарило представительство Абхазии в Санкт-Петербурге.

Невольно Жан Арутюнович периодически стал выступать не только в сольных, но и в сборных концертах.

Иногда он стал подумывать и о дуэтах.

Но на сцене он с удовольствием спел бы только с певцами, поющими живьём, ибо он совершенно не терпел «фанеру».

Из дам, он спел бы с прекрасной женщиной, по его мнению, обладающей прекрасным голосом, Валерией.

А из мужчин, чтобы не отдавать голубизной, для него была бы честь стоять на сцене рядом с настоящими, по его мнению, представителями мужского пола – Валерием Меладзе и Александром Серовым.

По этому поводу последний из них, после исполнения песен из репертуара маэстро, как-то поделился журналистам:

– *«По крайней мере – человек, на которого я, без преувеличения, молился с детства, их первый исполнитель – Жан Татлян, впервые увидевшись со мной, сказал, что он очень любит мое пение и то, как я исполняю именно эти песни. А что может быть радостней для артиста?»*.

Более того, Жан Арутюнович с ними пел бы только живьём. Ибо он не стал бы уподобляться представителям российского шоу-бизнеса, «под шумок» собирающим со зрителей огромные деньги.

Ведь в западном шоу-бизнесе использование фонограмм категорически запрещено. А в России это обычное дело. Жан Арутюнович считал, что петь под фонограмму – неуважение к слушателю. И для него петь под «фанеру» было бы то же самое, что целоваться с женщиной через стекло.

По этому поводу он добавлял:

– *«Большинство наших исполнителей не то, что петь, они и ходить на сцене нормально не умеют. А зритель думает: «Лучше я диск послушаю, чем куплю билет, выйдя из дома, чтобы послушать «фанеру»*.

Но Жана Арутюновича любили не только М.Ростропович и А.Серов, но и, также с самого детства, – Л. Сенчина и В. Сюткин, который тоже исполнял кое-что из его репертуара.

Узнав об этом, его почитатель Платон с огромной долей правды как-то пошутил по поводу начальных букв этих фамилий:

– *«Татляна любил СССР!».*

Но в начавшийся 2008 год Жану Арутюновичу было не до шуток.

19 марта этого года в Версале умер его давний друг, с которым они дружили пятьдесят лет, Жак Дувальян. Тот завещал его кремировать и развеять прах в саду над Аллей Воспоминаний парижского пригорода Кламар.

Его давняя любовь и вдова, известный в Море хореограф Наиля Мамедовна Назирова, бывшая младше мужа почти на тридцать лет, говорила о Жаке, в которого она влюбилась ещё восемнадцатилетней:

– *«Это был мужчина, о котором можно только мечтать!».*

Для Жана Арутюновича это умер не просто давний, большой друг, а человек – символ. Ведь получилось так, что именно Жак Дувальян в своё время как бы передал эстафетную палочку франко-русско-армянского шансона юному дарованию, своему другу и преемнику Жану Татляну, который всегда считал, что его культура является армяно-греко-русско-французской смесью.

Да и сам Жан Арутюнович всегда считал себя шансонье в классическом смысле слова, когда те бродили по дворам и пели без микрофонов. В таких песнях были и сюжеты и переживания. И шансон Татляна, как уже говорилось, – это отголоски его биографии, лирический дневник его жизни.

В России же это пока, по его мнению, в основном только тюремные, арестантские песни, «блатняк», к которому он, в такой многострадальной стране, как Россия, естественно, относится плохо.

– *«Мне барды намного ближе, чем те, которые представляют, якобы, русский шансон, в котором творится непонятно что! Называть блатные песни шансоном – это кощунство! И потом, шансон – есть шансон, на каком бы языке ты не пел! Причём тут русский шансон? Ведь нет английского и других! Тогда уж правильнее называть эти песни «русской песней»!»* – заключил Жан Арутюнович в одном из интервью.

И его слушатели – люди разных возрастов, для которых главное в песне сюжет, гармония и чувства, идущие от сердца к сердцу, с ним согласны.

Отсюда проявляется и неприязнь Жана Арутюновича и к фонограммам.

Разве «фанера» может передавать каждый раз меняющееся, особое состояние шансонье? Ведь шансон – это маленький, живой театр!

Как-то раз, участвуя в концерте «Золотой шлягер», в котором все пели под фонограммы, включая и Президентский оркестр, Жан Арутюнович собрался петь живьём под записанную музыку. Так и здесь организаторы концерта потеряли массу времени, чтобы найти для него микрофон и установить его. И хотя по качеству звук его песен был похуже, но зато было видно, что он поёт вживую. А это для маэстро было главным!

– *«Молодцы те ребята, которые могут абсолютно точно открывать рот под записанную в прошлом году «фанеру». Я этого делать не могу, не понимаю!»* – объяснял после концерта Жан Арутюнович свою позицию представителям средств массовой информации.

Таковым он остался и на всю жизнь, не участвуя в шоу-бизнесе, называя его бизнес-шоу, принципиально не выступая под фонограмму, в шутку называя себя бездарным в этом вопросе человеком.

В 2008 году в Санкт-Петербурге Жан Арутюнович Татлян отметил своё 65-летие со дня рождения и 50-летие творческой деятельности.

И 25 октября в ДК имени «Ленсовета» состоялся его юбилейный вечер.

Но для него давно его дни рождения, в том числе юбилеи, не имеют большого значения. Для маэстро это всего лишь обычные дни, такие же, как вчера, сегодня, завтра. Ведь для него самое главное – это здоровье и удача, спокойствие в жизни и творчестве, чтобы Бог подольше сохранял ему разум и чувство юмора.

Жан Татлян всегда в своей жизни делал исключительно то, что искренне нравилось ему самому. А раз это он делал от души, а себя не обманешь, то его творчество приходилось по сердцу и другим людям. Поэтому он был по-настоящему счастлив, считая, что человеку многое по плечу, если он этого хочет искренне и к этому стремится. По поводу своей жизни Жан Арутюнович объяснял дотошным журналистам:

– *«Мне грех жаловаться. Я работал с великими людьми во многих странах Мира. У меня интересная и насыщенная жизнь. Меня помнят на Родине, хотя я почти тридцать лет прожил за границей.*

И это особенно приятно. На мои концерты ходят. Меня слушают. А что может быть ещё важнее для человека моей профессии?! И я, как всегда, стараюсь не подводить своего зрителя!».

И действительно, тонкая по звучанию музыка в сочетании с красивым узором текста, плюс особая атмосфера его новой программы доставили удовольствие всем трём поколениям его зрителей. Новые его концерты представляли собой песенные спектакли, включающие в себя его старые и новые работы, как певца и композитора.

На вопросы журналистов о творческих планах маэстро и его творческих удачах – о новых, красивых песнях: музыке и словах, Жан Арутюнович, как всегда доброжелательно, ответил:

– *«Есть несколько таких песен. Но я в основном пишу музыку, а тексты – в соавторстве на французском, английском и русском языках. Кстати, теперь у меня в репертуаре стало много и русских народных песен. Раньше я их не исполнял. Вообще очень часто сам создаю сюжет, образ.*

И название песни имеет для меня очень большое значение, потому что в нём – настроение. Три слова в названии песни – хорошо, если двумя удалось создать настроение – потрясающе, одним словом – гениально!».

Так в известной песне Жана Арутюновича Татляна «Мы были, мы есть, мы будем!» говорится о краеугольных камнях, на которых зиждется всё Человечество: религия, любовь и сплочённость семьи.

Ведь в трудные экономические и политические времена здоровая семья спланивается ещё сильнее, представляя собой ядро. И если в семье есть любовь, то она поможет преодолеть трудности, которые будут всегда и у всех, независимо от их достатка и места в обществе.

Жан Арутюнович Татлян нигде не чувствовал себя чужаком, где бы он ни жил, будь то Санкт-Петербург, Париж или Нью-Йорк. Ни в чём больше не нуждаясь, он создавал свой микромир из близких, друзей и единомышленников, в котором и протекала его жизнь. Его друзья, к увеличению числа которых он никогда не стремился, независимо от их национальности, это были, прежде всего, люди общей культуры.

По этому поводу Жан Арутюнович ещё шутил:

– *«В моем микромире – армяне, французы, русские, греки, евреи. У англичан есть по этому поводу поучительное выражение: «В правильное время, в правильном месте, с правильным человеком». Если эти три момента совпадают, все будет хорошо. У меня совпало».*

Благородная мужская сдержанность и большое остроумие, обстоятельность и спокойствие, редкое обаяние и доброжелательность, аристократическая простота – всё это доставляло удовольствие журналистам и поклонникам от общения с кумиром целого поколения.

В нём не было ни капли злобы даже по отношению к тем, кто старательно ломал его жизнь. Даже, если Жану Арутюновичу задавали неудобные вопросы, он, стараясь не обидеть собеседника, тактично уходил от прямых ответов, переводя разговор на анекдоты.

Так, снова говоря о, так называемом, сегодняшнем «русском шансоне», Жан Арутюнович, не желая обидеть авторов и исполнителей, предложил такие песни лучше называть «городским романсом».

В них хоть и есть сценарий, но действие происходит или в зоне, или на «малине».

А в классическом шансоне, когда-то исполнявшимся уличными певцами, как неоднократно подчёркивал Жан Арутюнович, всегда был свой маленький сюжет – лирический, драматический или комический сценарий.

Но вообще-то, всегда тактичный Жан Арутюнович не любил кого-то учить жизни, навязывать своё мнение.

Давая концерты, он никогда не имел учеников, считая, что этому можно учить только будучи великим!

Но тут уж Жан Арутюнович конечно поскромничал. А кто на эстраде, если не он, и был великим?!

Недаром СОСЕМ (Европейский комитет по авторским правам) выдвинул иск одной из крупнейших фирм-производителей караоке за нарушение авторских прав и нелегальное использование произведений Жана Татляна, который тоже является членом СОСЕМ. Весной 2009 года должно состояться судебное разбирательство по этому вопросу.

И сегодня постаревший кумир больше похож не на певца, а на классического французского художника: беретик, блуза.

А кисть и мольберт ему неизменно заменяет гитара, с которой он не расставался никогда. Жану Арутюновичу даже посвятили соответствующее двустушие:

*«Как неразлучна эта пара –
Жан Татлян и подруга-гитара!».*

Невольным свидетелем этому стал и Платон.

Наступил долгожданный вечер 6 февраля 2009 года.

Платон прибыл в театр заблаговременно, ещё до восемнадцати часов.

У главного входа уже толпилось полтора десятка таких же, как и он, поклонников. Дождавшись открытия дверей, «железный человек» Платон так и не смог пройти через магнитную раму, сразу предупредив о тщетности этого охранников. Тогда один из них использовал переносную рамку, параллельно с работой, улыбаясь в глаза гостю:

– «У Вас оружия нет?!».

– «А что? Кому-то это может прийти в голову?!» – удивлённо ответил Платон вопросом на вопрос.

После гардероба в вестибюле он получил брелок-фонарик и красочную программку под названием «Жан Татлян – гражданин Мира», глянцева обложка которой была разукрашена флагами государств, в которых очевидно побывал Жан Арутюнович.

Там же он приобрёл и два компакт-диска с песнями Жана Татляна.

Заранее проанализировав их наличие в своём компьютере, Платон выбрал только недостающие. Ими оказались «Арабат» и «Россия».

Он поднялся на свой Бельэтаж, поговорил с билетёршами, с одной стороны просвещая их по поводу личности исполнителя, с другой стороны выслушав от них совет, как и где лучше получить его автограф.

Оставшееся время Платон посвятил ознакомительной прогулке по фойе и изучению программки.

Ему сразу бросилось в глаза обращение певца к «Моим друзьям».

– «В разных странах и городах, среди людей, говорящих на разных языках, я всегда помнил город морозящих дождей и призрачного света. Город моей юности, надежд и разочарова-

ний, любви, белых ночей и островов среди закованной в гранит воды. Нью-Йорк, Ереван, Лондон, Лос-Анджелес, Берлин... Везде есть свет и своя правда. Но два города – Петербург и Париж, такие разные и такие похожие, стали для меня огромной любовью.

Я вернулся в свой город, и трудно поверить, что когда-то уезжал навсегда, разорвав связавшую нас невидимую нить. Уезжал из Ленинграда, вернулся в Санкт-Петербург. Уезжал из Советского Союза, вернулся в Россию.

Мои друзья, разбросанные по всему огромному Миру!

Вы – мои близкие люди, моё богатство и удача. И я счастлив, что могу ответить любовью на любовь и петь для Вас снова и снова.

*Жизнь – караван из дней.
Они спешат назначенным путём
Без радости вернуться.
Летит за часом час, и мы идём*

*И тянем груз, стараясь не споткнуться.
Привет тебе, наш вечный караван,
Бредёшь под Солнцем, под дождём не плачешь.
Салют, друзья!
Я буду петь для Вас,
Ведь Вы – моё богатство и удача!*

Жан Татлян».

Платона поразили мягкий, изящный слог послания певца, и он вдруг вспомнил слова коренной москвички, интеллигентной Галины Александровны, на его сообщение о предстоящем концерте Жана Татляна:

– «Платон Петрович! Ну, что Вы хотите? У Татляна безупречный вкус! Он всякую ерунду петь не будет!».

Да! Вкус у него, похоже, во всём? И не только в песнях! – решил Кочет.

Наконец открыли двери в зал, который стал заполняться всё уверенней. Однако аншлага в этот раз не было.

Платона, не бывшего в театрах и на концертах почти двадцать лет, – с прошлого выступления Ж. Татляна в «Измайлово» в 1989 году, – поразили обшарпанный пол сцены и стоящий на ней одинокий рояль.

Если бы не белый высокий стул со спинкой, можно было бы и не понять, где находишься.

Перед самым началом концерта зрители ринулись занимать пустующие места. Даже не любившего излишнюю, непочтенную к искусству, суету Платона, знакомая теперь ему билетёрша попросила пересест поближе к сцене. И Платон позже не пожалел об этом. Он сел свободно, не касаясь никого своими потенциально большими локтями.

Наконец, «Праздник любви» начался с... кино!?

Сначала с трёх экранов был показан небольшой фильм об истории семьи певца, с красивыми пейзажами горной Армении.

Но вот зазвучали «Фонари», и под аплодисменты амфитеатра и партера, а потом и всего зала, по центральному проходу, блестя сединой, держа в левой руке микрофон, шёл он – благородный и долгожданный, обаятельный и всеми любимый – ЖАН ТАТЛЯН!

Раскланиваясь знакомым и целуя какой-то даме ручку, он легко вбежал на сцену, жестами приветствуя весь зал.

После окончания песни, его слова сразу потонули в громе оваций.

И так продолжалось весь концерт. Если бы не вмешательство самого певца аплодисменты после каждой песни не смолкали бы очень долго.

Некоторые, горячо любимые народом старые, а также новые песни Жана Арутюновича Татляна на русском, французском, английском и армянском языках были встречены зрителями с большим энтузиазмом.

К счастью для всех ценителей красивых песен и «живого» исполнения он не утратил силы и красоты своего неподражаемого, изумительного голоса, снова продемонстрировав всем свой талант певца и композитора.

После «Фонарей» он спел три песни на французском и английском языках. Затем полились прежние отечественные: «Звёздная ночь», «Воздушные замки», «Осенние следы» и, наконец, «Бумажный голубь».

Платон обратил внимание, что эту песню любит не он один, так как после её исполнения зал устроил особенно бурную овацию.

Первые песни Жан Арутюнович исполнял под записанную музыку, держа микрофон в левой руке, энергично жестикулируя правой в такт песен. Платона поразила органическая и строгая пластика этой правой руки кумира. Ему даже показалось, что пластичная и энергичная жестикуляция Жана Арутюновича своей правой рукой была местами излишней, слишком длительной.

И он даже несколько раз испытал чувство некоторой неловкости за своего кумира.

Особенно во время исполнения песни «Воздушные замки», когда Жан Арутюнович слишком долго демонстрировал своей бесподобно пластичной правой рукой, как бы он именно раскрасил эти замки.

У Платона создалось впечатление, как будто тот пел перед иностранцами и жестами объяснял перевод слов песни.

Но вот, после песни «Зеркало жизни», на сцену вышла молоденькая пианистка – студентка пятого курса Консерватории, и в зал полилась ранее не слышимая, но знакомая Платону песня «Из какой ты сказки»:

*Заметелило с вечера,
Снег кружит над землёй.
Не весной ты мне встретила,
А холодной зимой.*

*Ты такая красивая,
В этот вечер январский,
Ты ни с кем несравнимая,
Из какой ты сказки?
Ты ни с кем несравнимая,
Из какой ты сказки?*

*Так приходит, наверное,
К нам из книжек, из нот,
Может быть безответная,
Но большая любовь!*

*Ты такая красивая,
В этот вечер январский,
Ты ни с кем несравнимая,
Из какой ты сказки?*

*Ты ни с кем несравнимая,
Из какой ты сказки?*

*Много книжсек прочитано,
О тебе моей нежной.
Ты была Аэлитой,
Королевою снежной.*

*Но ты всех их красивее,
В этот вечер январский,
Ты за смелость прости меня,
Из какой ты сказки?
Ты за смелость прости меня,
Из какой ты сказки.*

И Платон вспомнил, что раньше часто песни Жана Татляна были прелюдией любви для многочисленных поклонников и поклонниц певца.

Под его песни не только влюблялись и любили, но и делали детей. В честь него даже называли некоторых из них.

А сейчас, после каждой песни женщины преподносили ему цветы, сразу получая поцелуй и автограф.

Первое отделение завершилось тремя русскими народными песнями «Метелица», «Печали» и «Очи чёрные».

Жан Арутюнович и их исполнил с каким-то необыкновенным шиком и шармом.

Платон никогда ранее тоже не испытывал тягу к ним. Но в исполнении кумира это были уже настоящие шедевры.

А второе отделение вообще началось известным вальсом, а теперь, безусловно, и шлягером, «Дунайские волны».

Платон наслушался его ещё дома на компьютере, и с чувством некоторого превосходства наблюдал, как теперь зал бурно воспринял и её.

А после песен «Моя тройка» и «Ты остановила время», Жан Арутюнович исполнил пару песен и на своём родном языке.

Во время исполнения песен «Арарат» и «Карабах, ты мой арцах» по его просьбе в зале как раз и зажглось множество фонариков-брелоков, символизирующих свечи.

А после песен «Чужая милая» и «Старый двор» Жан Арутюнович исполнил на пару с самим собой, молодым, «Гитарово».

На экране все увидели единственную чудом сохранившуюся запись с того самого «Голубого огонька» под новый, 1965 год.

В зале то слышалась запись выступления молоденького Жана, то она выключалась, и он сам, сегодняшний, продолжал эту песню, прокомментировав:

– «Я как будто пою со своим внуком!».

Многие песни Жан Арутюнович исполнял под свою любимую гитару.

В зале кое-где мелькали вспышки запрещённых фотоаппаратов.

Лишь после песен «Море зовёт» и «Судьба» Платон вспомнил про свой диктофон. Он быстро активизировал его, и все остальные песни были им записаны. А это были «Капель», «Лунный дождь» на французском языке, «Ночной дилижанс», «Колокола», «Осенний свет». А заключительной его песней была «Русский блюз», последним повторяющимся припевом завершавшая концерт.

Долгими и продолжительными аплодисментами, переходящими в бурные овации, проводил зал своего кумира. Некоторые счастливицы сразу рванули на сцену за автографами, в то время как опоздавшие бедняги безуспешно пытались справиться с тяжёлым занавесом.

С такой любовью народ проводил своего не лауреата конкурсов, не заслуженного и не народного артиста СССР или России.

Платон верный своему плану, подсказанному билетёршей, занял выжидательное место у служебного входа. Вскоре он решил спрятаться от лишних глаз и вошёл вовнутрь. Там он переговорил с охраной и понял, что надо просто набраться терпения. А ждать пришлось почти полтора часа.

Как в былые времена молодости кумира! – подумал Платон.

Пока он ждал – невольно дочитал программку. На последних её страницах говорилось о роли армян в истории Москвы и Санкт-Петербурга.

И действительно! Армяне внесли непропорционально большой вклад в развитие, как общей советской культуры, так и непосредственно российской.

Особенно это касалось области музыки и, связанной с ней одним озарением, области точных наук.

У Платона даже слово армяне ассоциировалось с чем-то красным, красивым, лучезарным и музыкальным, доверительно тёплым.

Так получилось, что с детских лет Платон уважал и даже любил армян за их доброту, порядочность, трудолюбие и таланты.

Во многом это было обусловлено проживанием в отчем доме Платона армянской семьи Геворкян, с младшей из которых, черноглазой красавицей Алочкой он дружил ещё в далёком детстве.

Поэтому его преклонение перед талантом Жана Татляна являлось естественным, органическим продолжением его давней симпатии.

Платон вспомнил, как все эти дни он слушал и слушал его волшебные песни. И чем больше Платон вслушивался в них, тем больше он понимал красоту его музыки, безупречность текста песен, и, самое главное, просто гениальное их исполнение.

Жан своим голосом творил всё, что хотел. Платон вслушивался и понимал, что его исполнение просто идеально.

И перепеть его песни лучше, чем он, было уже просто невозможно.

Даже песня «Лучший город Земли» в исполнении блистательного Муслима Магомаева всё-таки чуть уступала исполнению Жана Татляна. Как бы брильянт Магомаева получил бы дополнительную огранку, заиграв новыми яркими лучами света.

Песни Жана Татляна нравились сразу, с первых аккордов. Под них очень хорошо мечталось, что было одним из основных занятий советской молодёжи.

Чем Жан Татлян сразу очаровал весь народ, все слои населения? В чём его феномен?

А тем, что он пел песни для всех возрастов. И для влюбчивой молодёжи, у которой всё ещё впереди, и для проживших нелёгкую жизнь пожилых людей, живущих теперь во многом воспоминаниями о своей молодости.

Более того, его песни были и под разное настроение. Недаром Платон в молодости использовал их, чтобы за несколько минут поменять своё настроение от упаднического-лирического, меланхолического, до оптимистического, возбуждённого, энергично-работоспособного.

Жан очаровывал всех не только тем, о чём он пел, – о встречах и расставаниях, о счастливой и несчастной любви, о радости и печали, – но и тем, как он пел. Всем казалось, что данную песню и нельзя было спеть по-другому. Настолько были выверены и слова, и мелодия, и тембр голоса, и его интонация, настроение певца, в конце концов, включая и его поведение на сцене.

И ещё неизвестно, что больше влияет на подвиги и творчество, на продолжение борьбы и поиски: радость или грусть, победы или поражения, надежды или разочарования, счастье или несбывшиеся мечты.

А сколько светлых и добрых мыслей и идей родили его песни в головах его слушателей. В их числе, конечно, был и Платон. Их давно, на расстоянии, незримо что-то объединяло.

Платона и Жана объединяло не только то, что их отцы родили их уже в зрелом возрасте, соответственно наделив разнообразными талантами, но и то, что оба они умели и любили работать не только головой, но и руками, в частности, столярничать и огородничать.

Между родителями Жана была разница в двадцать лет, между родителями Платона – восемнадцать.

И оба они были людьми с одной стороны неиссякаемо оптимистичными, добрыми и общительными, с другой стороны – людьми свободолюбивыми и независимыми, во всяком случае, творческими – то есть, одинокими волками, но в душе аристократами.

И вот, спускающийся по лестнице кумир появился! Ещё на расстоянии Платон громко спросил:

– *«Жан Арутюнович! А можно у Вас взять автограф?!».*

– *«Конечно!»* – услышал Платон давно знакомый ему доброжелательный голос с еле различимым акцентом.

Жан Арутюнович прошёл через пресловутую магнитную рамку, повернулся к Платону и, поставив гитару между своих ног, не отпуская своё сокровище, спросил немного растерявшегося поклонника:

– *«А кому написать? Как Вас зовут?».*

Платон заранее приготовил открытую страницу программки, на которой было обращение «Моим друзьям» и девственную, уникальную, шариковую авторучку – трёхгранную, ярко зелёного цвета. Поэтому задержки не произошло. На столике охраны маэстро уже ожидало место для автографа и «священная ручка».

– *«Платон Петрович Кочет!»* – последовал привычный ответ.

Но тут же он спохватился:

– *«Пишите Платону!».*

Жан Арутюнович так и сделал, аккуратно написав внизу страницы – *Платону*, и более размашисто, но кратко расписавшись.

Только он снова поднял свою гитару, как Платон остановил его новой просьбой:

– *«Жан Арутюнович, извините! А можно пожать Вашу мужественную руку?!».*

Тот приветливо улыбнулся, внимательно вглядываясь в голубо-зелёные глаза Платона своими миндальными, почти чёрными, ласковыми глазами, чутко ответив:

– *«Конечно можно!».*

И они обменялись крепким, тёплым мужским рукопожатием. Пока Платон сиял от счастья, Жан Арутюнович одной рукой уже открывал дверь в тамбур. Кочет тут же подскочил сзади, придерживая дверь, защищая гитару и её хозяина.

Постояв немного на улице и наблюдая, как его кумир фотографируется с очередным поклонником, прощается с организаторами концерта, и садится в автомобиль для поездки на Ленинградский вокзал, счастливый Кочет полетел в свой курятник.

Дома он долго рассказывал, понявшей опоздание мужа Ксении, о встрече со своим единственным в жизни кумиром, шутливо заключив:

– *«Я теперь правую руку мыть не буду!».*

Но та, уже сонная, не поняла общеизвестной шутки в исполнении мужа, подвергнув того необоснованной критике.

На следующий день, после лыж в субботу вечером, Платон по телефону отчитался о встрече с Татляном перед Александром и Егором с Варварой, на что та, тоже давняя его почитательница резюмировала:

– «А Татляна любят люди с тонким вкусом, как и он сам!».

На что Платон сообщил Егору:

– «А мне жена знает, что сказала! Вы с Татляном два сапога – пара! Как он поёт, так ты и пишешь! Обо всём, что видишь и чувствуешь; смело, дерзко, озорно!».

И действительно, этот вечер ещё больше возбудил поэта, дал ему ещё больше вдохновения.

На следующий день Платон послал по электронной почте четвёртое послание своему кумиру, приложив к нему ещё два стихотворения. Это были «Цирковой медведь»:

*Однажды было, давным-давно,
Пожалуй, лет сто назад,
Бродячий цирк, или Шапито
Давал представлений ряд.*

*Но старый медведь уже занемог.
Болела его голова.
А от побоев он скоро слёг,
Вставая лишь иногда.*

*И нос кровоточил его от кольца.
И лапы болели давно.
Все ждали уже медведя конца,
Но он пока жил всё равно.*

*Зимой, отпущенный кем-то в лес,
Бедняга от голода слёг.
Он помощи даже просил с небес.
Никто ему не помог.*

*Погиб от нехватки людской доброты
Ни в чём не повинный медведь.
Всегда он людям служил от души.
И что теперь толку реветь?*

*Всегда всем любых, своих зверей
Прирученных надо любить.
Ведь даже нечаянно, как и людей
Свободой их можно убить!
Кому и когда свобода нужна
Судить не берусь тут я.
Но то, что двуликой бывает она,
О том надо помнить всегда!*

А также «Бульвар детства моего»:

Рождественский бульвар!

*В конце его стою,
Как памятник себе.
Я на него смотрю.*

*Правее, за плечом,
Церквушка на углу.
Но звон колоколов
Давно не на слуху.*

*Направо от меня,
За крышей, Отчий дом,
Где в детстве я себя
Запомнил в доме том.*

*А дальше, по пути,
Ходил я в первый класс.
Напротив, перейти –
Травмировался раз.*

*Спускаюсь вниз опять.
Охватывает страх.
Не крутизны боюсь.
Бульвара вижу крах.*

*Внизу – бульваров крест,
На Трубную вхожу.
Вокруг неё, в окрест,
Внимательно гляжу.*

*И, обернувшись, вспять,
Я на бульвар вхожу.
Но сходство я опять
С былым не нахожу.*

*Прощай, бульвар, прощай!
Другим ты хоть и стал.
Меня не забывай!
Любить я не устал!*

Платон ещё раз перечитал своё послание кумиру. Стихотворение «Цирковой медведь» получилось в унисон с песней «Белый медвежонок», а «Бульвар детства моего» навеял, как и песни Жана Арутюновича Татляна, ностальгию.

Он мечтательно задумался, представляя, как маэстро поёт свои песни на его слова. Но в голову поэта приходили только уже знакомые мелодии. Он давно понял, что новая музыка у него из ушей не льётся, а только старая, а вот слова, действительно новые – слова, слова, слова...

В один из моментов Платона вдруг осенило: а ведь в песне слова должны рифмоваться не столько между собой, а сколько с музыкой, даже больше с музыкой, как у Татляна!!!

Да! Это был настоящий маэстро, кумир! Воистину, золотой Жан!

Глава 3. Зрелый возраст

А на второй день, также катаясь на лыжах, и естественно всё ещё находясь под впечатлением от позавчерашнего концерта, лишь сожалея, что на концерт он не взял фотоаппарат, Платон сочинил ещё одно стихотворение, назвав его «Кочет блюз» по аналогии и под музыку песни Жана Арутюновича «Русский блюз», и к счастью вовремя записав его на диктофон:

*Я на концерте Жана был,
И слушал «Русский блюз».
В мечтах так далеко уплыл...
Вот за перо берусь:*

*«Я двадцать лет не посылал
Стихов своих, мой друг,
Пока я Вас не повстречал
На том концерте вдруг.*

*Вас любят люди все с душой
С широкой, с добротой.
И я добавил голос свой,
Кумир наш, золотой!*

*Автограф получил и я!
Та встреча дорога!
Тепло рукопожатия
Хранит моя рука!*

*И поезд вновь уносит Вас,
«Санкт-Петербург – Москва»,
Поёте Вы всегда для нас.
Вы в сердце навсегда!».*

*Зелёное, трёхгранное
В руке моей стило.
Такое многогранное,
Как творчество его.*

*По Интернету посылаю
Вдогонку «Кочет блюз».
Надеюсь, с Жаном создаю
Наши творческий союз!?*

Причём сделал он это ещё на лыжне в лесу, по пути от Новокосино в Салтыковку. Платон заранее планировал прервать свой лыжный поход коротким привалом у Егора с Варварой, дабы оговорить с ними подготовку к предстоящему юбилею Ксении.

Там же он собирался дать своим послушать и своё новое произведение.

Но у Егора уже гостил один из соседей. Платон сразу обратил внимание на такого же высокого, как и хозяин, очень худого мужчину средних лет. Они уже немного выпили и были навеселе, особенно гость.

Тот был не только высокого роста, но и имел очень длинную шею.

Полукруглые, слишком покатые плечи и кривые, короткие ноги в сочетании с походкой вразвалочку внизу и держанием вертикали в верхней части тела, придавали ему, при взгляде на него сзади, облик гуся. А его вытянутое лицо с длинным, прямым носом на маленькой головке подкрепляли его облик и спереди. Весь его габитус напоминал гуся. Но самое смешное в его обличье, была... его фамилия. Она естественно была... Гусев!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.